

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

16.1

3 выпуска в год на многих языках

Социология говорит с Абди Каземипуром

Назанин Шахроки

Назанин Шахроки
Рейхане Джавади
Эсмаил Халили
Зохре Баятризи
Агхил Дагагелех
Шива Алинаян
Нафисе Азад
Марал Латифи
Махбубе Мокадам
Фатеме Могадаси
Ладан Рахбари
Реза Сохраби

Переосмысление социологии в Иране

Карен Шайр
Хайди Готфрид
Рина Агарвала
Ашвин Кумар
Мария Камила Вега-Салазар
Каролина Морено
Суэлен Кастибланко-Морено
Хавьер А. Пинеда Д.
Линн Ю Лин Нг
Юньхуэй Йе
Анжу Мэри Пол
Мустафа Яваш
Седжин Парк
Фэн Сю
Цз Чун Лай
Какстон Сю

Политическая и социальная экономия трудоустройства

Открытый раздел

> Газа: война в связке с накоплением

ЖУРНАЛ

International
Sociological
Association
isa

ТОМ 16 / ВЫПУСК 1 / АПРЕЛЬ 2026
<https://globaldialogue.isa-sociology.org/>

ГД

> От редакции

Первый выпуск Тома № 16 *Глобального диалога* ознаменован событием, которое подтверждает, как преемственность, так и обновление в работе редакции. После трех лет плодотворной интенсивной работы Каролина Вестена и Витория Родригес оставили свои позиции помощников редактора. Их профессионализм, редакторская забота и критический подход оказали существенное влияние на журнал в период множественных вызовов, стоящих сегодня перед глобальной социологией. От имени редакции я выражаю глубокую благодарность им обоим. В то же время с большой радостью сообщаем нашим читателям, что позицию помощника редактора теперь занимает Марсия Рангел Кандидо, исследовательница из Университетского Института Лиссабона (Instituto Universitário de Lisboa). Обладая большим редакторским опытом, преданная принципам публичной социологии и сравнительному глобальному подходу Марсия несомненно внесет важный вклад в работу журнала на новом этапе.

После предыдущего номера журнала, который был посвящен интеллектуальному, политическому и гуманистическому наследию основателя *Глобального диалога*, Майкла Буравого, мы возвращаемся к привычной структуре. Этот номер посвящен обсуждению двух злободневных тем, которые формируют переживаемый нами исторический момент: ситуации в Иране и глобальным трансформациям, связанным с трудовой миграцией.

Рубрику «Социология говорит» открывает интервью, которое Назанин Шахрони взяла у Абдолмохаммада (Абди) Каземипура. В нем освещаются дебаты в отношении национальных социологических школ, социальных изменений, барьеры между священным и светским, а также вопросы, которые формируют сегодня лицо Иранской социологии.

Затем мы представляем подборку статей «Переосмысление социологии в Иране», которую подготовили Назанин Шахрони и Рейхане Джавади (Nazanin Shahrokni, Reyhaneh Javadi). В фокусе анализ напряжений и парадоксы социологических практик в контексте политических репрессий, эпистемического надзора и глубоких культурных противостояний. Освещая такие различные вопросы как публичная релевантность социологии, нехватка институционализации поля, приватизация обучения, этические проблемы, борьбу вокруг гендерных исследований и ограничения критических исследований, этот раздел представляет многогранную картину проблем, стоящих перед иранской социологией сегодня. В этих статьях представлен также динамический обмен мнениями между учеными, которые находятся географически в ситуации множественной принадлежности, что создает картину ситуативного и коллективного производства знания об Иране и в Иране.

В настоящее время, когда Иран вновь занимает первые полосы мировых медиа в зачастую селективных по модусу

нарративах, содержащих геополитические упрощения или выстроенных в узкой оптике безопасности, чрезвычайно важно обратиться к подходам публичной и глобальной социологии, к видению на основе местных данных. Иранское общество не ограничено образами, циркулирующими в мейнстимных медийных источниках; оно характеризуется сложными формами противостояния, яркими интеллектуальными традициями, повседневной борьбой за собственное достоинство и меняющимися конфигурациями государственной власти и социальной мобилизации. Чтобы осмыслить эту динамику необходимо услышать голоса ученых, которые работают в Иране, пишут об Иране вместе с иранцами и теми, кто способен поместить происходящее в более широкий исторический контекст репрессий, сопротивления, производства знания и социальной трансформации. Хотя эта рубрика посвящена не самым последним событиям, она предлагает более объемное знание об иранском обществе, основанное на эмпирическом знании понимание ситуации.

Вторая рубрика номера – «Политическая и социальная экономия трудовой миграции» – подготовлена Карен А. Шайр, Хайди Готтфрид и Риной Агарвала. В ней анализируется один из определяющих феноменов нашей эпохи – центральная роль трудовой миграции в реорганизации глобального капитализма. Статьи, посвященные таким различным темам, как «безопасность и порядок» в индийских программах мобильности, глобальные цепочки заботы, соединяющие Венесуэлу и Колумбию, системы трудовой миграции в Китае, Сингапуре, Дубае и Камбодже. Все они показывают как переплетаются неравенство, гендер, этничность, границы и государственная власть, производя новые формы прекарности и новые возможности действия и сопротивления.

Открытый раздел в статье Гильерме Лейте Гонсалвеса представляет глубокий анализ войны в Газе: она интерпретируется как сложная, связанная с другими процессами форма накопления, укорененного в политической, экономической и колониальной динамике, которая выходит далеко за пределы поля сражений.

В этом номере *Глобальный диалог* подтверждает свою приверженность принципам публичной и глобальной социологии, способной анализировать современные процессы на основании ситуативных, плюралистических и диалогических подходов. Мы надеемся, что обсуждения, дебаты и исследования, представленные в журнале, помогут расширить понимание, укрепить наши сети и плодотворно анализировать новые проблемы мира, пронизанного неравенством, насилием и перемещениями, а также сопротивлением, критическим воображением и коллективными усилиями построить более справедливое будущее. ■

Брено Брингель, редактор *Глобального диалога*

> *Глобальный диалог* публикуется на многих языках на [сайте](#).

> Статьи присылайте по адресу: globaldialogue@isa-sociology.org.

isa International Sociological Association

GLOBAL DIALOGUE

> Редакторский совет

Редактор: Брено Брингель.

Помощник редактора: Марсия Ранхель Кандидо.

Ассоциированный редактор: Кристофер Эванс.

Управляющие редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Консультанты: Бригитте Ауленбахер, Клаус Дёрре.

Региональные редакторы

Арабский мир: (Ливан) Сари Ханафи, (Тунис) Фатима Радхуани, Сафуэн Трабелси, Сивар Харраби, Ахмед Джемаа.

Аргентина: Магдалена Лемус, Хуан Парсио, Данте Марчиссио.

Бангладеш: Хабибул Хаке Хондкер, Хайрул Чоудхури, Биджой Кришна Баник, Шайх Мохаммад Кайс, Мохаммед Джахирул Ислам, Хелал Уддин, Масудур Рахман, Расел Хуссейн, Ясмин Султана, Мд. Шахидул Ислам, Фархин Актер Буйан, Рума Парвин, Арифур Рахаман, Мд. Насим Уддин, Аламгир Кабир, Таслима Насрин, Сурайя Актер, Нусанта Аудри, Экрамул Кабир Рана, С. Мд. Шахин

Бразилия: Фабрисо Масиэль, Андреса Галли, Жозе Гирадо Нето, Джессика Маццини Мендес, Карине Пассос.

Франция/Испания: Лола Бусуттил.

Индия: Рашми Джайн, Маниш Ядав.

Иран: Рейхане Джавади, Ниаеш Долати, Эльхам Шуштаризаде, Али Рагеб.

Польша: Александра Бернацка, Йоанна Беднарек, Себастьян Сосновски.

Россия: Елена Здравомыслова, Дарья Холодова.

Тайвань: Ван-Джу Ли, Юн-Сюань Чоу, Чжи Хао Керк, И-Шуо Хуан, Юн-Цзю Лин, Тао-Юн Лу, Цзянь-Инь Цзянь, Ю-Вэнь Ляо, Ни Ли.

Турция: Гюль Чорбачоглу.

В рубрике “Социология говорит” Назанин Шахрокни обсудила с **Абди Каземипуром** эволюцию проблем, формирующих иранскую социологию.

Тематический раздел “**Переосмысление социологии в Иране**” исследует противоречия социологической практики в контексте репрессий, эпистемического надзора и культурного оспаривания.

Тематический раздел “**Политическая и социальная экономия трудовой миграции**” исследует центральную роль миграции в реорганизации глобального капитализма.

Иллюстрация обложки: Ханс-Петер Гаустер, на Unsplash.

Глобальный диалог выходит благодаря щедрому гранту SAGE Publications.

> В этом выпуске

От редакции 2

> СОЦИОЛОГИЯ ГОВОРИТ

Фетишизация особенного и священное как светское:
Интервью с Абди Каземипуром

Назанин Шахрокни, Канада 5

> ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОЦИОЛОГИИ В ИРАНЕ

Между репрессией и релевантностью:
переосмысление социологии в оптике Ирана

Назанин Шахрокни и Рейхане Джавади, Канада 8

Иранская Социологическая Ассоциация и
институционализация не-институционализованного

Эсмаил Халили, Иран 11

Между политикой и доходом: частное социологическое
образование в Иране

Рейхане Джавади и Зохране Баятризи, Иран 14

Этничность в Иране: вопрос, которого избегает иранская социология

Ахил Дахахеле, США 17

Ситуативно определенные жизни, оспариваемое знание:
перезапуск гендерных исследований в Иране

Шива Алинакян, Иран 20

В условиях ограничений: социологические исследования
в Иране. Круглый стол

Участники: Нафисе Азад, Марал Латифи, Фатеме Могадаси (Иран); Махбубе Мокадам (США), Ладан Рахбари (Нидерланды); Реза Сохраби, Назанин Шахрокни и Рейхане Джавади (Канада) 22

> ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЯ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Политическая и социальная экономия трудовой миграции:
Введение

Карен Шайр (Германия), Хайди Готтфрид и Рина Агарвала (США) 30

Социологический вклад в решение проблемы миграции

Рина Агарвала, США 33

Безопасная и упорядоченная миграция.

Практики индийского государства

Ашвин Кумар, США 35

Переосмысление глобальных цепочек ухода:
венесуэльские мигрантки в Колумбии

Мария Камила Вега-Салазар, Каролина Морено, Суэлен Кастибланко-Морено и Хавьер А. Пинеда Д., Колумбия 37

«Мобильный девелопментализм». Миграции работников
сферы ухода в Китае и Сингапуре

Лин Ю Лин Нг и Юньхуэй Йе, Канада 39

Особая привлекательность Дубая для незападных экспатриантов

Анжу Мэри Пол, Мустафа Яваш и Седжин Парк, ОАЭ 41

Китайские мигранты в сфере образования: дома,
за рубежом и по возвращении

Фэн Сю, Канада 43

Камбоджийские мигранты в швейной промышленности:
прекарность и протесты

Цз Чун Лай и Какстон Сю, Гонконг 46

> ОТКРЫТЫЙ РАЗДЕЛ

Война в связке с накоплением: случай Газы

Гильерме Лейте Гонсалвес, Бразилия 48

“Справедливо бросая вызов господствующим парадигмам производства знания об обществе, национальные и региональные социологии могут воспроизводить то самое исключение, которому противостоят. Это происходит в том случае, когда они эссенциализируют контексты или замещают один универсализм – другим”

Абди Каземипур

> Фетишизация особенного и священное как светское

Интервью с Абди Каземипуром

Портрет Абди Каземипура. Фото: Абди Каземипур.

В последние годы наблюдается интенсификация дебатов о глобальной динамике производства социологического знания. При этом все больше внимания привлекают такие феномены, как «национальные социологии», «Южная теория» и «региональные традиции». Иран представляет плодотворную почву для этих дискуссий, которые анализирует в своем интервью **Доктор Абдолмохаммад (Абди) Каземипур**, профессор социологии, заведующий кафедрой этнических исследований Университета Калгари, бывший президент Канадской Социологической Ассоциации. В настоящее время он исследует переплетение священного и светского в современном Иране и миграционные процессы, которые переопределяют социальный пейзаж иранского общества. Д-р Каземипур обсуждает состояние иранской социологии, – ее проблемы, достижения и устремления – опираясь на местные данные, вовлеченные в глобальную дискуссию о развитии нашей дисциплины. Интервью взяла **д-р Назанин Шахрокни**, доцент факультета международных исследований Университета Саймона Фрезера в Канаде.

Назанин Шахрокни (НШ): Многие социологи ставят под сомнение идею «универсальной социологии», подчеркивая, что то, что долгое время представлялось универсальным, на самом деле является конкретной традицией, укорененной в европейском и американском опыте. Отвечая на эту критику, поворот к особенному - к национальным социологиям, региональным подходам и Южной теории - стремится продвигать альтернативные эпистемологии. Что Вы можете сказать об этом повороте и что имеется в виду, когда обсуждают национальную социологию в иранском контексте?

Абди Каземипур (АК): Я считаю это различие проблематичным и как описание, и как предписание. Национальные и региональные социологии не только по праву проблематизируют господствующие

парадигмы, но также могут воспроизводить исключение, которому они противостоят. Это происходит, когда они эссенциализируют контексты или замещают одну универсальность другой. Оспаривание универсализма сегодня ни у кого не вызывает возражений, однако, при этом возникает риск создания новой догмы - «фетишизма особенного».

Прежде всего, я исхожу из того, что каждое «особенное» содержит внутреннее разнообразие. Стремление утвердить единство этого многообразия повторяет ту же самую ошибку универсализма. Ни Иран, ни Турция никогда напрямую не были объектами колонизации. Поэтому их нельзя просто отнести в одну группу со странами, которые прежде были колониями, такими, как Алжир, Индия, Египет или даже со странами Арабского Ближнего Востока (как справедливо замечает Сари

>>

Ханафи, восточная и западная части этого региона существенно отличаются).

Во-вторых, фреймирование «национальной социологии» или Южной теории преимущественно в оппозиции северным социологическим парадигмам часто обслуживает цели политики идентичности и не выполняет эпистемологических задач. Это приводит к подъему популярности символических фигур, чьи революционные идеи со временем теряют свою привлекательность. Так, например, Райвин Коннелл цитирует Али Шари, считая его ключевой фигурой протеста против западного культурного империализма периода, предшествующего Иранской Революции 1979 года. Однако интеллектуальное влияние этого автора «сошло на нет» вскоре после Революции. Это показывает, что политические заявления способны содействовать политической мобилизации, но вносят незначительный вклад в устойчивый рост социологического знания.

НШ: Принимая во внимание ваш тезис об угрозе фетишизации особенного, как вы думаете, не стоит ли полностью отбросить идею национальной социологии? Является ли такое понятие, как «иранская социология» аналитически полезным или оно может лишь усилить эпистемологические разделения, которые стремится преодолеть?

АК: Национальные социологии существуют и должны существовать, но не в виде теоретических анклавов. Их ценность заключается не в утверждении конкретных теорий и методов, а в формулировке конкретных вопросов, укорененных в конкретных условиях общественного устройства. «Хорошая социология» начинается с внятно сформулированных вопросов, имеющих локальное значение. Отвечая на эти вопросы, социальные ученые опираются на все доступные интеллектуальные ресурсы независимо от их происхождения – северные или южные, восточные или западные. Социологи не должны отдавать преимущество какому-либо подходу априори. Важные социологические вопросы возникают благодаря длительным процессам переговоров между идеями и реальностью, благодаря обмену между различными интеллектуальными традициями. Таким образом я считаю, что мы должны практиковать агностицизм и эклектизм – использовать понятия, принадлежащие множеству традиций, а не заниматься сакрализацией или исключением конкретных теорий.

НШ: Позвольте мне продолжить еще двумя вопросами. Вы полагаете, что ценность национальных социологий заключается скорее в тех вопросах, которые они формулируют, нежели в развитии особых теорий. Однако, как давно показали феминистские социологи, нейтральной позиции не существует: вопросы обусловлены концептуальными инструментами и доступными аналитическими линзами. Доминантные парадигмы препятствуют формулировке некоторых вопросов. И только национальные или альтернативные подходы могут дать дорогу новым видам исследования. Как вы ответите на это возражение?

АК: Я согласен с Вами, но я полагаю, что процесс является двусторонним. Аналогично тому, как «универсалистские» подходы могут препятствовать формулировке исследовательских вопросов, «национальные» подходы также способны закрыть конкретные перспективы исследования. Это напряжение особенно очевидно в феминистских исследованиях. Универсалистские тезисы некоторых вариантов феминизма Глобального Севера часто делали исследователей слепыми в отношении альтернативных проблем и теоретических возможностей, возникающих в контексте Глобального Юга. При этом, в значительной мере феминистское сознание Юга на самом деле формировалась во взаимодействии с феминистскими повестками Севера. Именно поэтому необходим постоянный активный диалог между различными подходами.

НШ: Поскольку Вы утверждаете, что национальные социологии возникают благодаря вопросам, которые они формулируют, не могли бы Вы назвать те вопросы и темы, которые определили путь иранской социологии в последние десятилетия?

АК: За последние 50-60 лет иранское общество пережило огромные изменения и столкнулось с проблемами, которые стали изучать социологи. Это такие вопросы, как быстрая государственно ведомая модернизация и секуляризация дореволюционного периода; неожиданный подъем религии как мощной политической и персональной силы во время Исламской Революции 1979 года, которая мобилизовала примерно 10% населения; и самая длинная в двадцатом веке Ирано-Иракская война.

В последние десятилетия наблюдается секуляризация, принимающая две основные формы. С одной стороны, секуляризация выражается в форме полного отказа от религии или ограничения ее теологией и личным духовным опытом за пределами институтов, ритуалов и иерархии духовенства. С другой стороны, секуляризм делает религию подчиненной государству, что является непреднамеренным результатом их слияния в условиях агрессивной исламизации.

Иран также характеризуется уникальным миграционным профилем: эта страна является одновременно крупным источником миграции и характеризуется огромным притоком мигрантов. В ней находят приют около 5 млн беженцев (приблизительно 5% населения). При этом около 8 млн иранцев живут за границей (около 9%). Опросы показывают, что более половины населения готовы эмигрировать, если получат такую возможность. Все это делает Иран редким случаем изучения миграционных процессов.

И, наконец, в ответ на системное гендерное неравенство и культуру патриархата в Иране возникло мощное и самобытное женское движение, которое переопределяет природу, масштаб и требования всех общественных движений страны. Интересная динамика этих переплетающихся процессов - идеологические

сдвиги, религиозные изменения, война, миграции и гендер - активно питают социологические исследования в Иране и в иранской диаспоре, особенно в таких направлениях, как социология миграций, исследования идентичности, гендера и социального капитала.

НШ: *Принимая во внимание динамичность иранского исторического процесса, что Вы можете сказать об основных препятствиях развития социологии в Иране? Как эти проблемы определяют вопросы, которые могут или не могут задавать ученые?*

АК: Самая главная проблема – это государственное ограничение свободного исследования. Д-р Саид Мадани (Saeed Madani), ведущий исследователь социальных проблем, в настоящее время отбывает срок тюремного заключения. Д-р Фароба Адехлах (Fariba Adelkhah), антрополог, живущая сейчас во Франции, несколько лет провела в заключении. Многие социологи были уволены из университетов, и при этом они продолжают работать и писать замечательные труды.

С этим контекстом тесно связан примат государства и «политического» в интеллектуальном воображении иранцев в целом и иранских социальных ученых, прежде всего. Эта озабоченность государством приводит к вытеснению собственно «социального», ограничениям тематики исследований и развиваемых аналитических направлений. Так, например, существует очевидная лакуна в исследовании сообществ или локальных инициатив, проявляющих себя в ситуациях, когда государство не хочет или не может функционировать ожидаемым образом.

Еще одним препятствием развития социологии является двойственная патология. Чрезмерное увлечение теорией – почти фетишизация ее – сочетается с атеоретизмом эмпирической работы, синдромом, который Райт Миллс обозначил термином «абстрактный эмпиризм». Иранская социология нуждается в более теоретизированном эмпирическом исследовании, которое одновременно основано на данных и является концептуально насыщенным.

И, наконец, иранская социология остается, в значительной степени, не связанной с глобальной социологией и сравнительными исследованиями, даже таких исторически близких регионов, как Турция, Египет и Саудовская Аравия.

Но несмотря на эти препятствия, эмергентные механизмы связывают иранскую социологию с более широкими научными обсуждениями. Растущая когорта более молодых социологов (зачастую это эмигранты второго поколения, живущие в других странах) приносит новую энергию и любознательность в отношении изучения иранского общества. Хотя их работа иногда романтизирует Иран, она имеет решающее значение для перевода иранской социальной реальности на

языки глобальной аудитории и роста признания этого поля исследований. Важно также отметить активное переводческое движение в самом Иране, в результате которого классические и современные социологические работы публикуются на персидском языке и становятся доступными широкому кругу читателей вскоре после публикации на языке оригинала. Это движение существенно повлияло на академический дискурс и привлекло иранских ученых к участию в глобальных дебатах, хотя в большей степени еще на уровне рецепции, а не собственного вклада.

НШ: *Действительно, переводческое движение поразительно. Однако, оно проявляет глубокую асимметрию: поток переводов в значительной мере остается однонаправленным. Работы, написанные вне Ирана, – особенно на английском языке – переведены на персидский, и очень мало социологических текстов, написанных на персидском, переведены вовне; арабские, турецкие и курдские региональные социологические тексты Ирана также не охвачены переводческим движением. Такой лингвистический и эпистемический дисбаланс вызывает более масштабные вопросы. Учитывая эти обстоятельства, как Вы оцениваете место Ирана в социологии Глобального Юга в целом и, в особенности, в социологии Ближнего Востока?*

АК: Вы совершенно правы: этот однонаправленный поток переводов является нездоровым явлением. Иранские социологические ассоциации могли бы способствовать развитию более систематичных и регулярных связей между коллегами в регионах и за пределами страны; от этого выиграют все участники взаимодействия.

Майкл Буравой утверждал, что национальные социологии как личные идентичности формируются реляционно и приходят к пониманию себя благодаря взаимодействию с другим. Он говорил: «мы более не можем считать всеобщим особенное знание, произведенное в США, Франции и исключительно мужчинами или колонизаторами. Мы также не должны скатываться в болото не связанного ни с чем партикуляризма. Глобальная социология должна строиться в диалоге между различными моделями».

Парафразируя Мишеля Фуко, можно сказать, что будущее социологии лежит в пространстве встреч. Это встреча Европы с миром, который не принадлежит к Европе, Запада с Востоком, Севера с Югом. Различные участники этих встреч находят общий язык и формулируют расхождения друг с другом. Вклад иранской социологии в это будущее зависит от развития дисциплины, основанной на реальных контекстуально определенных вопросах, преодолевшей ловушки импортированных теоретических моделей или ограниченной национальной исключительностью. ■

Адрес для связи: <nazanin_shahrokni@sfu.ca>

> Между репрессией и релевантностью:

переосмысление социологии в оптике Ирана

Назанин Шахрокни, Университет Саймона Фрезера и Рейхане Джавади, Университет Альберты (Канада)

Э тот симпозиум, посвященный иранской социологии, публикуется в то время, когда производство знания в стране находится под чрезвычайно сильным давлением. Иранское социологическое сообщество многие годы обсуждает свою публичную роль. Социологи спорят о том, должна ли социология занимать критическую позицию, быть инструментом диагностики социальных кризисов или выполнять функцию посредника между государством и обществом. Однако сегодня пространство этих дебатов драматически сократилось. Политические репрессии, замалчивание позиции академических диссидентов в сломанной публичной сфере, экономическая нестабильность, разрушительные эффекты глобальных санкций, ограничения мобильности и визовые режимы – все эти обстоятельства действуют одновременно; они истончают и разрушают институциональные и интеллектуальные пространства, которые поддерживают научную жизнь. Университеты действуют в условиях ужесточающегося политического давления, финансирование исследований оскудевает, а сотрудничество крайне затруднено. И все же иранская социология продолжает существовать; ее поддерживают ученые, которые продолжают анализировать глубокие трансформации, документировать их и участвовать в преобразованиях, формирующих общество.

Волатильность этой картины невозможно игнорировать. Во время подготовки этого симпозиума мы стали свидетелями нескольких последовательных кризисов, иллюстрирующих прекарность академической жизни и производства знания. В июне 2025 года в ходе 12-дневной войны

Израиль осуществил удары по военной и гражданской инфраструктуре. Через несколько месяцев, в январе 2026 года, массовые возмущения были подавлены государством с исключительной жестокостью, погибли тысячи граждан. [Иранская Социологическая Ассоциация](#) описывает массовые протесты и жестокую реакцию государства не как нечто беспрецедентное и неожиданное, а как кульминацию «накопления множества кризисов», о которой давно предупреждали ученые. Ассоциация предупреждает, что нормализация насилия угрожает социальной солидарности и человеческому достоинству. В этом контексте социология становится совершенно необходимой: она является средством документирования кризисов, выявляет структурные основания происходящего и поддерживает публичное обсуждение возможных сценариев будущего.

И все же даже эти ограниченные условия находятся сейчас под угрозой. Сейчас мы переживаем новый раунд американо-израильских ударов по Ирану, в результате которых гибнет и гражданское население. Среди жертв более ста двенадцатилетних школьников, погибших в результате атаки в маленьком южном городе Минабе. Бомбардировки продолжают разрушать инфраструктуру, обрушивая и без того хрупкую институциональную среду и подвергая риску интеллектуальные основания, которые формировались поколениями социальных ученых Ирана.

Все эти обстоятельства пронизывают пространство существования иранской социологии. Ученые противостоят различным формам давления одновременно. Репрессии иранских властей ограничивают интеллектуальную автономию и общественные дебаты. Внешнее военное и экономическое принуждение продолжает дестабилизировать институции, от которых зависит научная жизнь. Тексты этого симпозиума, таким образом, отражают не только реальность, с которой сталкивается иранское общество, но также условия существования социологии как таковой.

> **Постоянное давление на сотрудников и инфраструктуры: в Иране и за его пределами**

Хрупкость этих условий становится особенно очевидной, когда мы анализируем прекарное физическое существование Иранской Социологической Ассоциации. Ее официальный офис в Тегеранском Университете

>>

является объектом контроля государственного регулятора, и Ассоциация постоянно находится под давлением, нарушающим ее автономию. Неудавшиеся попытки сохранить независимое и устойчивое положение иллюстрируют сужение социологической и публичной жизни в более широком масштабе. Институциональная неопределенность сопровождается повторяющимися волнами арестов ученых, переводчиков и исследователей, что не только разрушает жизни конкретных людей, но и подрывает инфраструктуры, которые создают условия критической мысли. В таких условиях социологическая работа часто влечет за собой существенный личный риск. Это давление имеет глубокие исторические корни: социология давно воспринимается властями как идеологически подозрительная дисциплина; она неоднократно подвергалась исламизации, дисциплинарным чисткам и постоянно является объектом секьюритизации.

Эти проблемы воспроизводятся и за пределами Ирана. Иранские американцы и другие ученые диаспоры сталкиваются с усилением надзора и ограничениями мобильности как в Иране, так и в западных академических учреждениях, существуя в рамках различных пересекающихся логик безопасности, которые препятствуют посещению других стран и сотрудничеству. Подозрение, которое распространяется на социологию в Иране, все больше отбрасывает тень на работу ученых за границей.

> Неожиданные формы стойкости

И все же это давление сосуществует со значительными позитивными сдвигами. В 2025 году д-р Ширин Ахмадиния стала первой женщиной на посту президента Иранской Социологической Ассоциации. Ее избрание вызвало множество реакций: оно знаменовало собой признание социологического труда женщин и указало на возможность превращения исторически сложившегося мужского институционального пространства в дисциплину, которая в значительной степени поддерживается женщинами. То, что женщина стала президентом Ассоциации в контексте институциональной прекарности, само по себе показательно. Когда структуры ослабевают, появляются новые устремления и предъявляются новые требования к руководству и его действиям. В этой напряженной ситуации иранская социология развивает неожиданные формы живучести: ученые и студенты организуют межуниверситетские пространства дебатов и теоретической работы, создаются частные институты, группы чтения, укрепляются сети диаспоры.

> Цели этого симпозиума и эвристический инструмент

В этом разделе ГД мы преследуем две цели. Мы демонстрируем как интеллектуальную витальность иранской социологии, так и препятствия, стоящие на ее пути. Мы также помещаем это обсуждение в более широкую дисциплинарную рамку, стараясь переосмыслить социологию в глобальном масштабе, учитывая неравенство географии власти. В качестве эвристического инструмента мы используем различие между социологией в Иране и социологией Ирана, полагая его не как географическую бинарность, а как способ обозначения эпистемических, методологических и политических разделений, пронизывающих поле.

> Социология Ирана и социология в Иране: циркуляции знания через границы

Социология в Иране представляет собой совокупность разнообразных профессиональных, педагогических

и исследовательских практик, которые формируются в тегеранских университетах, ассоциациях, частных институтах, и неформальных интеллектуальных сетях. Сюда относится не только производство социологического знания, но также его циркуляция благодаря активной переводческой отрасли, публичным лекциям, семинарам и полуавтономным пространствам обучения, которые поддерживают социологическую вовлеченность за пределами формальных институций. Эти практики развиваются в условиях ужесточения цензуры, усиления надзора, идеологических запретов, экономического обнищания и международного институционального фильтрации на основе языка, репутации и географических барьеров. Ограничения делают критические исследования опасными и неровными по качеству. И все же они порождают стратегии сотрудничества, обучения и публичных дебатов.

Социология Ирана — это сфера исследований, целью которых является понимание Ирана — его социальных формаций, истории и политической экономики — независимо от того, где получено это знание, в самом Иране или за его пределами. Значительная часть этой работы циркулирует в рамках глобальных академических подходов и рассчитана на доминирующие дисциплинарные аудитории. Давление глобального научного сообщества иногда может приводить к вытеснению понятий, приоритетов и эпистемических словарей, которые возникают в иранском обществе, даже если они могли бы содействовать большему международному признанию и более плодотворным дебатам.

Важно отметить, что приведенное различие не является референцией к фиксированным доменам или противопоставлением двух категорий. Идеи, архивы и методологические инструменты пересекают границы, несмотря на существующие политические и институциональные барьеры. Ученые перемещаются между этими позициями в течение своей профессиональной карьеры; их работа определяется изменчивой комбинацией доступа, ограничений и публики.

> Под подозрением в большом мире и в условиях международных санкций

И все же асимметрия по критериям известности, наличия ресурсов и институционального признания остается крайне значимой. Иранские исследователи сталкиваются с цензурой, надзором и материальной уязвимостью. Исследователи Ирана за пределами страны противостоят санкционным режимам, визовым ограничениям и дисциплинирующему взгляду западных институций. Многие ученые диаспоры вызывают подозрение с обеих сторон — они подвержены надзору в Иране, и их работа отслеживается в Северной Америке или Европе, и такой контроль материально воздействует на то, что они изучают, пишут и публикуют.

Эти различия усиливаются геополитикой. Санкции США затрудняют, а, иногда, делают невозможным участие ученых из Ирана в глобальных академических сетях; они не могут оплачивать членство в профессиональных ассоциациях или участвовать в международных конференциях. Когда-то Иранская Социологическая Ассоциация была активным участником общественных дебатов; сегодня она борется за то, чтобы иметь возможность выполнять самые основные функции, испытывая постоянное экономическое и институциональное давление. Практики исключения не только ограничивают развитие иранской социологии; они обедняют и мировую социологию, нормализуя отсутствие

>>

голосов, представляющих структурно маргинализованные контексты, пронизанные санкциями и надзором.

> Эпистемическая, методологическая и институциональная напряженность

Статьи этого раздела по-разному описывают очерченную выше проблематику. Некоторые авторы исследуют институциональные условия социологических практик, другие поднимают более фундаментальные эпистемологические вопросы, а интервью с Абдолмохаммадом Каземипуром помещает иранские дебаты в более широкий теоретический контекст обсуждения особенного и всеобщего.

В эссе Ахила Даххеле и Шивы Алинакян (Aghil Dagheleh, Shiva Alinaqian) рассказывается об эпистемическом умолчании проблематики этничности и гендера, а также показано, как господствующий нормативный центр, сформированный сплетением гендерных, этнических и классовых иерархий структурирует иранскую социологию, позиционируя периферийные и феминистские подходы как маргинальные или подозрительные. Эти исключения являются не только интеллектуальными, но и институциональными. Эсмаил Халили (Esmail Khalili) утверждает, что Иранская Социологическая Ассоциация воплощает «институционализацию не-институционализации»: она репрезентирует форму организационной жизни, при которой устойчиво проявляется стремление к институционализации социологии, несмотря на то, что структуры, которые могут поддержать этот тренд, фактически подорваны. Он выявляет следующий парадокс: в то время, как большая часть энергии социологического поля направлена на то, чтобы построить устойчивые институциональные формы, сами эти усилия сопровождаются созданием условий, ограничивающих субстанциональную автономию, и воспроизводят те самые границы, которые стремятся преодолеть. Сходное напряжение возникает в процессе приватизации. Рейхане Джавади и Зохране Баятризи показывают, как приватизация социологии, которая изначально представлялась одним из противодействий сокращению академической автономии, на самом деле, углубила неолиберальную логику коммодификации, превращая образование из общественного блага в рынок дипломов.

Методологическая борьба обсуждается на круглом столе «Ограничения социологических исследований в Иране», посвященном повседневному практикам эмпирических исследований. Участники круглого стола подчеркивают, что условия их работы становятся политические заряженными. Это касается разных аспектов исследований - ограничений полевой работы, смазанных этических процедур, угроз криминализации и проч. Политизация социологической работы происходит и в Иране, и в диаспоре, в самых различных институциональных контекстах, где изучается Иран. Политизация не только определяет, что можно исследовать, но также и сбор данных, их архивирование и распространение.

> Возникающие трансформативные практики и новые способы вовлеченности

И все же исследователи отмечают также позитивные возможности, прорывающиеся сквозь ограничения. Феминистские исследователи продолжают анализировать гендер, религию и государственную власть, несмотря на маргинализацию тематики в официальных институтах. Исследования этничности оспаривают националистическую ортодоксию, утверждая, что этнические различия необходимо

рассматривать в контексте истории формирования национальных государств, суверенитета и повседневного сопротивления. Несмотря на небезопасные условия, зависимость от государственных университетов и доброй воли муниципалитетов, Иранская Социологическая Ассоциация остается платформой для конференций, публикаций и публичных событий. Социологическое образование в частном или полуприватном формате порождает гибридные педагогические пространства в колебательном контуре между сопротивлением и неолиберальным воспроизводством. В этих контекстах социологи превращают ограничения и методологические и концептуальные инновации.

В целом публикации этого раздела освещают поле производства науки, которое характеризуется сложными многомерными ограничениями и разнообразными изобретательными способами действия. Они показывают, что поле постоянно переопределяется благодаря взаимодействию структурного давления и профессиональных практик, который ученые используют для того, чтобы работать, адаптироваться и изменять происходящее.

> Навстречу социологии с участием Ирана

Этот раздел не претендует на то, чтобы представить целостную картину иранской социологии. Его цель – представить ограничения в функционировании нашей науки в контексте более широкого ряда проблем дисциплины. Уязвимость разного рода, с которой сталкиваются социологические исследования в Иране и об Иране, находят отклик в более широком контексте развития социальной науки на Глобальном Юге, где социологи противостоят авторитарному правлению, давлению рынков и неравному доступу к глобальным контурам циркуляции знания. Мы стремимся не просто документировать эти вызовы, но приглашаем читателей к пересмотру своих концептуальных и методологических представлений о дисциплине в принципе. В этом смысле рассказ об Иранской социологии становится повествованием о социологии как таковой: о ее пределах, возможностях и постоянной борьбе за то, чтобы оставаться подотчетной обществу, в котором она возникает.

Мы предлагаем двигаться в сторону развития социологии с участием Ирана – развития, основанного на сотрудничестве, взаимности и рефлексивности. Такой подход не может уничтожить напряжение между социологией в Иране и социологией Ирана, но будет способствовать социологической работе по его преодолению и несмотря на его существование. Такой подход признает иранскую социологию центральной, а не периферийной научной территорией в переосмыслении глобальных траекторий и проблематизации исключений, которые формируют производство и циркуляцию социологического знания.

Такая позиция обозначает сопротивление позиционированию иранской социологии как случая или объекта внешнего оценивания. Напротив, она предполагает, что интеллектуальный труд, институциональная борьба и методологические инновации, разрабатываемые иранскими социологами, являются жизненно важными для функционирования социологии в целом. В период, когда голоса иранских социологов систематически исключаются и не участвуют в международных форумах, императив дисциплинарной справедливости требует построения социологии с участием иранской социальной науки. ■

Адреса для связи: <nazanin_shahrokni@sfu.ca>, <javadi1@ualberta.ca>

> Иранская Социологическая Ассоциация и институциализация не-институциализированного

Эсмаил Халили, бывший сотрудник Института Цивилизационных и Социально-Культурных Исследований, вице-президент Иранской Социологической Ассоциации (2021-2025), Иран

Шестая конференция по концептуальной и критической рефлексии об иранском обществе, Сентябрь 2025.
Фото: Могадесе Газвини.

Социология стала дисциплиной системы высшего образования в Иране в 1934 году благодаря решению Тегеранского Университета, и Сорбонский выпускник Голамхоссейн Садиhi (Gholamhossein Sadighi) начал преподавать этот предмет в 1940 году. В свои формативные годы иранская социология была маленьким элитным полем, сформированным французским интеллектуальным влиянием и связанным с модернистским проектом построения национального государства при правлении династии Пехлеви. Дисциплина долгое время культивировалась благодаря академической элите Тегерана, профессиональное сообщество было небольшим и имело ограниченное институциональное представительство.

Революция 1979 года и последующая Культурная Революция 1980-1983 годов принесли как разрушения, так и развитие. Руководство новой Исламской Республики радикально перестроило университетскую систему, уволило идеологически подозрительную профессуру, закрыло университеты на реорганизацию и ввело идеологическое вето, регулирующее каждый аспект академической жизни. Как и другие социальные науки, социология стала объектом интенсивного надзора, при котором целые интеллектуальные направления были зачищены, а образовательные программы - переписаны в соответствии с исламскими революционными ценностями.

Парадоксальным образом, послевоенный период реконструкции, наступивший после завершения Ирано-Иракской войны в конце 1980х и 1990е годы, стали периодом

быстрого распространения высшего образования и впечатляющего роста привлекательности социологии как академической дисциплины. Институциональное укрепление поля при этом сопровождалось развитием бюрократического и идеологического аппаратов государства-рантье. Академическое продвижение, финансирование исследований и служебные назначения обеспечивались, скорее, не интеллектуальными качествами и академическими достоинствами, а политической лояльностью, личными связями и бюрократическими соображениями. Хотя численность социологических отделений и студентов возросли, качество интеллектуальной жизни определялось напряжением между формальным расширением поля и ограничениями идеологического контроля.

> Динамика бюрократически подчиненного мейнстрима и разнообразие академической периферии

В постреволюционный период поле иранской социологии все больше дифференцировалось. В контексте сочетания идеологического скрининга, бюрократического формализма и экономики престижа ренто-ориентированного университета возникла профессия, представители которой занимали различные, иногда даже антагонистические, позиции. Некоторые из них вошли в поле по ренто-ориентированным каналам, привязанным к формальной идеологии, преобразуя политическую лояльность в управленческую позицию в олигархических академических сетях. Другие, - в меньшей степени

>>

приверженные идеологии – тем не менее, выполняли бюрократические роли, руководствуясь прагматическими интересами, стремясь к безопасности и развитию в рамках правил существующей системы.

Существовали также убежденные социологи; среди них были как приверженцы религии, так и представители левых кругов, и националисты. Они позиционировали себя вне университетского мейнстрима, фокусируясь на политическом продвижении в большей степени, чем на профессиональных эмпирических исследованиях. За пределами академического ядра независимые социологи, многие из которых были уволены во время чисток 1980х годов и не имели официальных аффилиаций, продолжали писать тексты, до сих пор не утратившие своего интеллектуального значения.

«Университетская периферия» включала сотрудников исследовательских институтов и научных организаций, которые взаимодействовали с широкой аудиторией, выступая с открытыми лекциями, публикациями или на онлайн форумах. Молодая когорта внеуниверситетских ученых, часть которых были уволены из академии, а другие – по собственному выбору, избегали пространства академической науки и поддерживали диалог с критическими интеллектуалами на международном уровне. Иранская диаспора включает две группы: одну из них составляют те, кто получил профессиональную подготовку в Иране, но не смог вернуться в страну из-за политических запретов; вторая группа – те, кто вырос и получил образование за границей и чья работа непосредственно связана с иранским обществом. И наконец, в поле иранской социологии существуют так называемые «искатели идентичности» (identity seekers) – те, для кого социология является скорее не устойчивым интеллектуальным призывом, а инструментом личной или символической аффилиации, которая предполагает признание, статус или чувство принадлежности в большей степени, чем научный вклад.

> Наследие

Это стратифицированное и фрагментированное профессиональное пространство существовало до учреждения Иранской Социологической Ассоциации и оказало влияние на ее культуру и внутреннюю политику. Сосуществование столь различных ориентаций в диапазоне от глобальной интеллектуальной вовлеченности до чисто личной идентификации обеспечило плюрализм и напряжения, которые стали основными характеристиками институциональной жизни Иранской Социологической Ассоциации.

Это наследие стало площадкой формирования профессиональной культуры, которую можно обозначить как институционализацию неинституционализируемого. При такой профессиональной культуре видимость (внешние показатели – прим. пер.) научной витальности часто перевешивает субстантивное производство знания.

> Между формой и содержанием

По формальным меркам Иранская Социологическая Ассоциация движется очевидно в сторону институционализации: число ее членов растет, ежегодная конференция привлекает все большее число участников, в общественных дебатах также наблюдается ее присутствие. Оригинальный решающий ход в сторону

формальной институционализации был совершен в 1990м году, когда 17 иранских социологов, большинство из которых получили профессиональное образование в Европе и США, основали Иранскую Социологическую Ассоциацию. В формативные годы оформилась структура организации. Наряду с административными функциями, такими как организация конференций и запуск публикаций, были созданы рабочие группы, связанные с разными социологическими направлениями. Надо признать, что многие такие секции не имели конкретных целей и фокус их деятельности был размыт.

Возник парадокс, который может быть описан как институционализация неинституционализируемого. Научные ассоциации часто отдают предпочтение форме перед содержанием. Перформативные формы производства знания в виде конференций, семинаров и встреч становятся основными критериями легитимности, в то время как реальное порождение нового видения социальной реальности отступает на задний план. В этом отношении гетерономия формируется не только благодаря зависимости от внешних сил, но также в процессе рутинизации практик, симулирующих интеллектуальный труд, но не имеющих под собой никакого содержательного основания.

> Консолидация и последующее укоренение конвенций

Период между 2000 и 2015 годами характеризовался относительной стабильностью и консолидацией, когда ИСА постепенно зарабатывала академическое и социальное доверие. Однако последующие годы ознаменовались сменой поколений и серьезными переменами. Многие старшие исследователи устранились от активного участия, а новые члены ИСА в условиях ограничений академической жизни столкнулись с сокращением возможностей систематической профессиональной подготовки и интеграции в профессиональные сети. Хотя численный рост Ассоциации продолжался, ее интеллектуальное ядро ослабло. Укоренившиеся в период стабилизации институциональные нормы и практики сформировали идентичность, которая некогда была эффективной, но постепенно стала сопротивляться изменениям

Организационный формат ИСА характеризовался первоначально не эксплицитным планированием, а молчаливым знанием неформальных предпочтений и установок основателей Ассоциации. Они не столько развивали структуры, привязанные к иранским реальностям, сколько копировали внешние формы профессиональных ассоциаций Европы и США. В результате внешне ИСА напоминала формальную организацию, но при этом ее деятельность не регулировалась кодифицированными правилами, которые обеспечивали бы ей устойчивую институциональную идентичность. Вследствие этого деятельность ИСА не регулируется основными документами, в которых сформулированы ее интеллектуальная миссия, этический и научный кодексы или долгосрочное видение. Представления о центральных проблемах научной жизни – демократии, этике Ассоциации и разделении труда между рабочими группами остаются не разработанными.

Отсутствие Устава привело к тому, что ИСА действует до сих пор в значительной степени на основе неписаных правил и персонализированных решений. Такую ассоциацию можно назвать не столько современной, сколько

>>

гибридной. Она является формально организованной, но не соответствующей саморефлексивному пониманию требований институциональной устойчивости. Такая «недо-институционализация в рамках институционализации» проявляется в том, как протекает демократический процесс в организации: ее члены редко вовлекаются в существенные обсуждения о направлениях развития организации; интеллектуальный и организационный проект ИСА трудно назвать широко признанным и уважаемым его собственными членами.

> Престиж превышает интеллектуальной строгости и ответственности

В то же время внутренняя жизнь ИСА характеризуется рядом парадоксов. Ассоциация воспроизводит на внешнем уровне все ритуалы организационной жизни (конференции, выборы, публикации), не осмысливая сущностные цели своего существования. Вместо того, чтобы способствовать развитию интеллектуальной дискуссии о методах, теориях и исследовательских приоритетах, ее состязательная энергия часто тяготеет к вопросам престижа, признания и идентичности. Активистские импульсы и действия, направленные на поиск идентичности, становятся все более выразительными в последние годы, когда ИСА стала заметной в публичном пространстве. При этом задача построения устойчивой институциональной платформы отступает на второй план.

Можно выделить по крайней мере три измерения этой динамики: идеологическое, престижно-ориентированное и институциональное. Идеологические разделения, когда-то замалчиваемые в связи относительной гомогенностью первоначального членства, становятся более выраженными, часто переплетаясь с активизмом и политической идентичности. Конкуренция в погоне за престижем отражает особенность академической культуры Ирана в целом, где позиции руководства часто являются источником, скорее, символического капитала нежели интеллектуальной ответственности. Институциональное измерение остается недостаточно развитым: несмотря на проведение семинаров и конференций, ИСА демонстрирует мало свидетельств научной конкуренции. Мы не видим дискуссии по поводу теоретических подходов, методологии или исследовательской повестки, которая бы стала консолидирующей силой активного научного сообщества.

Наш анализ отражает не только внутренние модели функционирования ИСА. Эти фигуры поддерживаются структурной слабостью иранской университетской системы: различиями в уровне академической подготовки в разных университетах, господством рентоориентированной логики и существованием олигархических научных клик. Эти структурные особенности поддерживают парадоксальное положение Ассоциации, которая формально существует, заметна в публичном пространстве и растет в количественном отношении, но все еще борется за консолидацию устойчивого, интеллектуального и институционального основания, оставляя открытым вопрос о траектории дальнейшего развития.

> Планы на будущее

В условиях институциональной неопределенности возникают новые возможности трансформации.

Небольшая, но растущая когорта критических ученых, часто лишенных привилегий предшествующих поколений, серьезно участвует в развитии глобальной критической мысли, сопротивляется погоне за престижем на основании идентичности и стремится конструировать свое научное Я независимо от властвующих гегемоний. Их научные амбиции остаются маргинальными в господствующей культуре ИСА, но сигнализируют о наличии позитивных трендов обновления. Эти ученые преданы демократическим практикам и опираются на принципы интеллектуального плюрализма и институциональной рефлексивности.

Чтобы эти новые течения укрепились, в ИСА необходимо следовать нескольким важным принципам. Следование принципам демократического управления позволит канализировать гетерогенность в де-libерацию, а не в функционализм. Принцип плюрализма обеспечит обсуждение различий в ориентаций рабочих групп. Принцип операционной автономии позволит этим группам формировать содержательную повестку своей деятельности и обеспечить регулярность и преемственность конференций, ориентированных на исследования социальных проблем, а не на задачи утверждения идентичности и престижа. Глобальный сдвиг в сторону проблемно ориентированных докладов на конференциях свидетельствует о том, что такие тенденции вполне реальны и существует потенциал усиления сотрудничества социологов за пределами официальных мероприятий.

> Грядущие вызовы

В настоящее время ИСА осмысливает свое многоуровневое наследие. Предметами обсуждения становятся элитистская западно-ориентированная социология дореволюционного периода, идеологические разрывы и чистки 1980х годов, ренто-ориентированная бюрократическая экспансия социологии послевоенного периода и все более фрагментирующаяся интеллектуальная культура настоящего времени. История наделила ИСА витальностью и волатильностью. Широкое членство стало базой для бюрократов, лоялистов, независимых интеллектуалов и глобально вовлеченных критических ученых. При этом в ИСА не существует кодифицированного самопонимания или культуры устойчивой демократической дискуссии.

Перед Ассоциацией стоят задачи не увеличения численности или публичной заметности, а формирования практики, норм и структур, которые позволят ей мечтать о чем-то большем чем совокупность секций или фракций. Иными словами, необходимо преодолеть парадокс существования формы без содержания. Нужно превратить перформанс в практику, а видимость деятельности в настоящее научное производство. Если ИСА будет следовать принципам плюрализма, демократической де-libерации и интеллектуальной автономии, она сможет превратить свою гетерогенность в источник коллективной силы. Без выполнения этих задач она рискует остаться ассоциацией по форме, но не по содержанию, т.е. институцией, которая выглядит сплоченной, но по сути дела является фрагментированной. Избранная траектория определит следующий этап развития коллективной жизни иранской социологии. ■

Адрес для связи: <esmaeil.khalili@gmail.com>

> Между политикой и доходом: частное социологическое образование в Иране

Рейхане Джавади и Зохре Баятризи, Университет Альберты, Канада

Вывеска гласит "Факультет социальных наук, Университет Тегерана."
На этом фото 2009 года старая вывеска лежит в углу факультетского
дворика, прислоненная к сломанным воротам.
Фото: Рейхане Джавади.

Внешние политические и экономические силы внутриполитического и международного уровней всегда формируют образование и исследования в университетах, приводя как к разрушительным, так и конструктивным эффектам. В последние десятилетия нехватка финансирования, неолиберальные модели финансирования поддержки и политизация преподавания и исследований привели к тому, что во многих странах университеты отдают предпочтение профессиональной подготовке и исследованиям, которые ориентированы на приоритеты государства или частного сектора. В сфере образования ответом на эти макроформы политико-экономического давления стали микро-дипломы (micro-credentialism), массовое распространение открытых онлайн курсов (МРООК) и сертифицированное краткосрочное обучение. Все это приводит, в свою очередь, к росту коммодификации высшего образования, ослаблению формального аудиторного

>>

образования и девалоризации многих сфер образования и исследования.

В локальных контекстах иногда эти широкие тренды сворачиваются, а иногда усиливаются местной динамикой. В случае Ирана политическая цензура, недофинансирование и политика найма, отдающая предпочтение идеологической лояльности перед академическими достоинствами, в течение длительного времени препятствует полноценному преподаванию социологии. Но при этом с начала 21 века иранские студенты активно выступают в поддержку повышения уровня образования и свободного обмена идеями. Студенты организуют читательские группы, посвященные популярным или запрещенным предметам, и проводят частные занятия с участием ученых, подвергнутых политическому ostracism. С течением времени частные платные курсы стали механизмом преодоления недостаточного качества образования в университетах и разработки альтернативных образовательных платформ.

В этой статье мы рассмотрим частные социологические курсы в Иране – их происхождение, структуру, участников, качество услуг и обсудим более крупные политические и академические следствия этого явления. Мы утверждаем, что эти занятия являются примером двойственной динамики сопротивления и коммодификации академического мира. В нашем проекте мы использовали батарею методов – анализ архивов, исследование сетевых ресурсов, полуструктурированные интервью с 28 студентами и преподавателями восьми частных институтов, предлагающих курсы по социологии. Наше исследование показывает, что, несмотря на то, что некоторые из этих инициатив специфичны для иранского контекста, в целом, они соответствуют более масштабным глобальным сдвигам в высшем образовании, особенно в отношении тренда коммодификации знания. Особенность заключается в том, что в иранском контексте частные курсы по социологии часто выполняют функцию создания пространства потенциального сопротивления государственным ограничениям в получении знания.

> Частные уроки: от читательских кружков до получения доходов

Читательские кружки и циклы лекций существовали в Иране испокон веков. Однако платные социологические курсы, в основном, возникли в частном секторе в 2010е годы в таких образовательных учреждениях, как [Porsesh](#) и [Rokhdad-i Tazeh](#) (два основных института, расположенные в Тегеране). Научные ассоциации, включая ИСА ([Iranian Sociology Association](#)), также стали предлагать курсы на платной основе. Такие курсы захватывают большой диапазон тем: от нишевых и трендовых теоретических предметов (Феноменология Духа, Даррида «Фармация Платона») до прикладных методологических подходов (дискурсивный анализ, кодирование в NVivo). Учреждения развивают формы «теневое образования», которое существует в рамках формальных институций, но определяется иной логикой и иными стимулами.

Многие частные образовательные программы основаны на чтении лекций для небольших аудиторий, не предполагают жесткой программы, эвалюации или заданий. Некоторые частные институции выдают

сертификаты, которые, в основном, используются абитуриентами при подаче документов в аспирантуру для усиления конкурентоспособности. Оплата, которая существенно различается от случая к случаю, и ограниченный доход, полученный от продажи записей занятий, являются источниками дохода институций. Несмотря на финансовые стимулы, частные социологические институции не являются доходными инициативами: из восьми изученных нами случаев два проекта обанкротились.

Неудивительно, что институции отдают предпочтение лекциям, лекционным форматам и популярным темам. Первоначально предлагались курсы по модным теоретическим направлениям, что гарантировало их привлекательность для интеллектуальной аудитории таких крупных городов, как Тегеран, где находятся несколько основных университетов страны и где много интеллектуальных кружков. Однако, такие элитные занятия становятся объектами критики. Один из наших информантов отметил, что надежда на рост доходности мотивирует частные институции расширить тематику и выйти за пределы представления западных нишевых теоретических дискуссий. «Эти учреждения выделяют повестку. Они являются серьезными предпринимательскими проектами действуют покупчески. Но что можно отоварить? [Социальная] теоретическая мысль – это товар, но эта мысль не релевантна нашей социальной и экономической ситуации» (Инт. #5).

> Приватизированные субалтерные контр-публики

Описанные выше пространства функционируют подобно нишам, которые Фрезер называет субалтерными контр-публиками. Это полуавтономные форумы, находящиеся за пределами государственного контроля, на которых слышны маргинализованные голоса, вовлеченные в критический дискурс. Участники принадлежат к различным академическим средам и их мотивации включают академический интерес, политическую фрустрацию, сетевую вовлеченности и эскапизм – уход от университетского давления. Многие считают такие занятия выражением интеллектуального беженства, характерного, в особенности, для 2010х годов, после подавления зеленого движения 2009 года, которое в значительной степени повлияло на университеты. Для социологов, которые стали политически отверженными, частные курсы стали и академическими проектами, и заработком, а профессора с постоянным доходом читают лекции, потому что видят в этих пространствах возможности более свободного выражения своих взглядов.

Хотя платные курсы в частных учреждениях требуют разрешения государственных структур, дискуссии в них носят более открытый характер, чем в университетах. Динамика власти в этих пространствах более расслабленная, по сравнению с жесткой университетской иерархией. Некоторые участники рассматривают эти институции как источники интеллектуального престижа. Это касается, например, института Porsesh, которые накопил значительный символический и элитный социальный капиталы за годы своего успешного существования, хотя сейчас лишен лицензии. Платные курсы также привлекают студентов, которые хотят учиться у известных профессоров, но за пределами университетов.

>>

Участники таких образовательных проектов часто критикуют университетскую социологическую программу за низкую эффективность, что побуждает их искать альтернативы. Несмотря на то, что платные частные занятия предполагают большую вовлеченность аудитории, мнения об их качестве различаются. Одни слушатели ценят специализированное знание, а другие считают, что курсы просто являются способом коммерциализации интеллектуализма и по содержанию не содержат почти ничего, что не было бы доступно публично. Критики видят опасность в коммерциализации мысли, в превращении сложной теоретической работы в рыночный контент индивидуального потребления.

Многие платные курсы выстраивают интеллектуальное пространство для слушателей, стремящихся к глубокой теоретической работе, выходящей за пределы ограничений университетского учебного плана. Надо отметить при этом, что критики подчеркивают, что часто продвижение западных идей не сопровождается обсуждением их релевантности иранскому контексту. Один из информантов уподобил опыт обучения духовному катарсису, благодаря которому участники интеллектуально обогащаются, но содержательно не научаются. Этот информант выступал в защиту университетских программ обучения, подчеркивая, что они демонстрируют слушателям состояние социальных исследований в Иране, в отличие от отстраненного теоретического фокуса многих платных частных курсов.

> Эффекты

Частное платное обучение составляет спорную, но реально действующую альтернативу ограничениям иранской академической среды. Некоторые комментаторы утверждают, что такие курсы подрывают влияние университетов, предлагая альтернативы высокого качества и таким образом ослабляя студенческую активность в академии. Другие подчеркивают, что платные курсы необходимы для сохранения независимого социологического дискурса в академической среде, подконтрольной государству. Они утверждают, что университеты представляют собой слишком ригидные бюрократические структуры, которые с трудом изменяются, и внеуниверситетские интеллектуальные пространства необходимы для изменений. Многие видят в платных курсах новую, хотя и не вполне надежную, платформу критической вовлеченности. «Если эти институции закроют, мы лишимся альтернативы. Государство будет контролировать все» (Инт. #23).

Частные уроки также обнажают более глубокое структурное напряжение внутри иранской системы высшего образования, вызванное, в особенности, отношением к реформе и ее институциональной легитимности. Часть сотрудников считают, что частная конкуренция оказывает давление, вынуждающее улучшать качество университетского образования. Другие высказывают опасения, что эти институции выполняют отвлекающую функцию: они избавляют государство от необходимости проводить реформу университетов. Для многих частное социологическое образование является спорной, но жизненно важной альтернативой ограничениям иранской академии.

Отметим также социально-экономический эффект этого феномена. Десятилетия рыночных изменений переформатировали сцену высшего образования Ирана, в результате чего произошла жесткая стратификация доступа. Прием на бюджетные места в основных государственных университетах стал крайне конкурентным и открытым для игр представителей семей с высшим образованием. Кроме того, хотя эти университеты в принципе должны предоставлять бесплатное обучение, появилось все больше возможностей производить оплату за обучение. Упадок качества образования в государственных университетах и подъем частных платных курсов усиливают существенное неравенство и еще больше ограничивают доступ к качественному образованию.

Во многих странах микрокреденциализм является результатом корпоративного давления на университеты. В Иране причиной распространения платного образования является политическое оппонирование и слабости академической сферы, находящейся под контролем государства. Первоначально частные курсы функционировали в качестве интеллектуальных пространств теоретических дискуссий, а теперь они предоставляют возможность подготовки сертифицированных специалистов, которые имеют серьезные научные и профессиональные перспективы.

> Заключение

Частные курсы по социологии в Иране представляют собой не просто рыночный механизм образования. Они образуют напряженное пространство встречи коммодификации и сопротивления. Как форма теневого образования они отражают неолиберальную логику credenциализма и при этом создают пространство для контр-публики, которое бросает вызов государственному контролю и интеллектуальному конформизму. Эти приватизированные ответы на системные политические ограничения отражают более крупные сдвиги в системе высшего образования в Иране в условиях ослабления государственных научных учреждений, страдающих от нехватки финансирования, идеологического вмешательства и роста неравенства.

Дальнейшие исследования должны выяснить, как распространение социальных медиа как пространства интеллектуальной вовлеченности воздействует на динамику публичного знания, размывая границы между формальным и неформальным образованием. Платформы социальных медиа содействуют распространению публичной социологии, выводя критический дискурс за пределы университетских аудиторий. С другой стороны, мы видим, как знание все больше коммерциализируется благодаря брендингованию и монетизации контекста. Приводит ли этот сдвиг к демократизации доступа к социологическим изысканиям или просто воспроизводит рыночную логику в цифровой форме? Вопрос остается открытым. ■

Адреса для связи: <javadi1@ualberta.ca>, <bayatriz@ualberta.ca>

> Этничность в Иране: вопрос, которого избегает иранская социология

Ахил Дахахеле, Университет Северного Колорадо, США

Карта этнического разнообразия Ирана, представляющая основные группы. Источник: Этнические группы в Иране, Mapper 01, Wikimedia Commons, CC BY-SA 4.0.

Этничность в Иране – это слон в комнате: особенно, если речь идет о мейнстримной социологии. В Иране проживает несколько этнических групп, включая персов, курдов, турок, арабов и белуджи. Персы составляют большинство жителей центрального плато страны; другие этнические группы сконцентрированы в периферийных регионах. Эти этнические разделения переплетаются с религиозными различиями, поскольку шииты преобладают в центре, а суннитское население превалирует на периферии. Даже это краткое описание поднимает социологический вопрос о том, как этнические и религиозные различия и сочетания формируют многообразие социального опыта? Удивительным образом в исследованиях иранского общества вопросы о такого рода фрагментации не поднимаются.

Мы не отрицаем, что число публикаций об этничности в настоящее время возрастает (и мы рассмотрим ее направления в дальнейшем), но в общесоциологических исследованиях практически отсутствует этничность как аналитическая категория, которая дифференцирует социальный опыт иранцев. Все больше публикуется исследований, посвященных таким различным темам, как иранские революции,

борьба женщин, общественные движения, субалтерная политика и другим социально-политическим вызовам, с которыми сталкивается страна. Однако субъектом этих исследований остается «иранский народ», а этнические различия замалчиваются.

Такая аналитическая слепота, с одной стороны, порождена националистическими подходами, которые описывают Иран как исторически унифицированную и гомогенную нацию. Таким образом, этничность представляется как предмет культурных различий, а не как структурирующее измерение социального опыта. Такое видение часто опирается на [нарративы о славном прошлом великого Ирана и мифах об арийских предках](#), которые натурализуют национальную идентичность и отрицают наличие фрагментации в рамках единой нации. При таком подходе введение этничности как аналитического измерения, объясняющего различия в организации повседневной жизни, обречено на неудачу и считается даже опасным как инструмент усиления различий, которые угрожают единству нации.

Критические ученые склонны признавать, что иранская нация сконструирована по принципам модерна. Большинство из них утверждает, что Иран

не является исключением в глобальной истории формирования национальных государств. Однако, в рамках этого подхода этничность как структурное измерение изучается недостаточно, хотя некоторые ученые стараются преодолеть существующие белые пятна. Так, например, в недавно опубликованной статье Кадивар и др. ([Kadivar et al. 2025](#)) инкорпорируют этничность как измерение анализа современных волн протеста. И все же такой анализ остается маргинальным.

Аналитическое молчание не является случайным, оно коренится в позиции, которую занимает иранская социология. Исторически это поле формировалось персидскими шиитскими интеллектуальными традициями среднего класса. Эта традиция склонна приравнивать иранскую нацию к культуре, языку и историческому опыту иранского центрального плато, и игнорировать то, что происходит в иных социальных реальностях. Эта установка становится более значимой, если мы посмотрим на сочетания этничности и религии, поскольку значительные группы жителей периферийных регионов являются суннитами и не-персами. При этом важно не упускать из виду, что в различных периферийных сообществах опыт отношений с центральным иранским государством складывался по-разному. Так, например, формирование современного иранского государства, которое прославляется как рождение современной территориально интегрированной иранской нации, [в периферийных регионах вспоминается как утрата автономии](#). То же относится к Исламской Революции 1979 года, когда торжество шиизма повлекло за собой сопротивление и массовые репрессии на периферии. Список остается открытым. Ситуация остается прежней: подходы, развиваемые на окраине ([как сказал иранский историк Араш Хазени](#)), остаются за пределами иранской академии до сих пор. И дело не в том, что такие подходы сложно примирить с мейнстримными, и даже не в том, что не хватает личного желания анализировать социальный мир в перспективе тех, кто оказался на маргинальных позициях. Проблема заключается в том, что взгляд с позиции периферии остается в значительной степени непредставимым для тех, кто занимает позицию, глубоко укорененную в центре. Все это определяется, несомненно, более глубокими отношениями власти, которые в этом тексте остаются за пределами нашего описания.

> Этничность в Иране фреймирована как патология, а не как измерение неравенства

Несмотря на это широко распространенное аналитическое умолчание, исследование этничности в Иране является узким, самостоятельным и растущим полем производства знания. В иранской социологии большая часть исследований этничности [опирается на социально-политическое видение социальной патологии](#). Этничность рассматривается как «проблема», как экзистенциальная угроза национальной целостности, которую надо отслеживать, держать под контролем и нейтрализовывать. Исследователи этнических групп как бы изучают зоны риска. Они постоянно оценивают уровни национальной идентичности, подсчитывают

соотношение этнической и более широкой национальной принадлежности и выясняют, существуют ли в настоящее время угрозы национальному единству.

В этом поле доминируют такие темы, как сепаратизм, национальная сплоченность и этноцентризм (*qawmgerayi*). В некоторых работах отрицается само существование этничности в Иране, и она преподносится как миф, сфабрикованный шпионами или иностранными акторами в целях дестабилизации нации. Другие авторы рассматривают этничность в категориях разворачивающегося кризиса, несущего угрозу будущего конфликта, который должен быть диагностирован и излечен. Кризис рассматривается в оптике секьюритизации (*bimaari-ye amniati*), которая полагает государственное управление опасным феноменом. Такие работы представляют социологию, которая, по словам Джеймса Скотта, [смотрит на общество глазами государства](#) и стремится сделать этнические группы управляемыми и контролируруемыми, а не понимать их в их собственных терминах.

Наряду с этим, появляются более критические работы, содержащие глубокие интерпретации того, как этническая политика участвует в формировании более широких проектов государственного строительства. В этих работах этничность позиционируется не как патология, подлежащая управлению, а как составляющий элемент процесса национального строительства, принудительной интеграции и неравного развития. Исследования, опирающиеся на эту традицию, анализируют, как государственные дискурсы и институции производят маргинализацию, опираясь на механизмы языковой гомогенизации, подавлении истории меньшинств и секьюритизации неперсидских сообществ. Некоторые ученые исследуют формы повседневного сопротивления: переговоры, в которые вовлечены этнические меньшинства, их подчинение или противостояние господствующим нарративам национальной идентичности. Существует также растущий, хоть и ограниченный блок [эмпирических исследований](#), в которых [изучаются этнические неравенства](#) в образовании, здравоохранении и экономических возможностях. Они фокусируют внимание на том, что [в современном Иране](#) этничность функционирует как [ось неравенства](#).

> Этничность встроена в продолжительную борьбу

И все же наблюдаются существенные пробелы в изучении этничности. Первый из них концептуального свойства. В иранском контексте этничность избегает изучения, в ряде работ во избежание политических и теоретических напряжений этот термин замещается категорией «меньшинство». Обычно термином «меньшинство» обозначается численное меньшинство или структурная субординация, и он в меньшей степени относится к спорным вопросам о том, как определить этническую группу, как построить ее границы или как избежать эссенциализации идентичности. Такой терминологический сдвиг позволяет исследователям заниматься тем, что Роджерс Брубекер называет

>>

«этничностью без группизма» (см. [Elling](#)) и позволяет анализировать маргинализацию, не поднимая вопросов о притязаниях коллективной идентичности или вызовах суверенитету.

И все же вопрос остается открытым: каково значение этничности (даже если она осторожно фреймируется как меньшинство) в современном иранском контексте? Ответ на этот вопрос становится особенно важным, если мы некритично используем западные теоретические подходы, которые часто упирают на идентичность, культурные различия или символические границы, и меньшее значение придают историческому вопросу суверенитета. Дело в том, что в Иране этничность является не просто культурным отличием. Она замешана на длительной борьбе за государственный суверенитет, территориальный контроль и силовую инкорпорацию периферийных регионов. Основные этнические группы страны – турки, курды, белуджи, арабы и туркмены – проживают в основном на территориях, которые называются периферией страны. Это регионы, географически удаленные от Тегерана и центрального плато. Истории этих мест и сообществ часто содержат нарративы о полуавтономном правлении, длительных напряженных отношениях с центральным государством. Это регионы, включение которых в политическое тело иранского государства сопровождалось военными кампаниями, насильственной ассимиляцией и контролем населения. И тем не менее, эти сюжеты часто исключаются и современного анализа этнической дифференциации, затрудняя понимание всей сложности современной этнической динамики.

>Интеграция племенных историй в социологию этничности выявляет историческое наследие сегодняшней реальности

Можно с уверенностью сказать, что экспансия иранского государства на периферию страны [документирована](#), в особенности в работах, испытавших влияние субалтерных исследований. В них прослеживается государственное насилие и местное сопротивление, как правило, представленное в категориях «племенной политики» (трибализм). Однако исследования племенной политики и этничности остаются не связанными между собой: первые фигурируют в исторической науке, вторые – относятся к современности. Это разделение показывает, как историческое наследие формирует современную реальность. Преодоление этого разрыва может открыть новые концептуальные горизонты для развития [этнических исследований в Иране](#).

Именно в этом заключается задача растущего поля исследований. Они опираются на истории [формирования государства на периферии](#) и ставят под сомнение [саму природу иранского государства](#). В таких исследованиях рассматриваются эпизоды насильственного перемещения, разрушения культуры и государственного насилия и демонстрируется, что формирование государства заключалось не только в модернизации, но также соответствовало логике колониального господства. Согласно этой точке зрения, экспансия Ирана в этнически определенные периферийные пространства напоминает поселенческий колониальный проект, а сопротивление ему представляет собой практику деколонизации. Такой рефрейминг подрывает господствующие парадигмы и требует интеграции истории племен в социологию этничности.

> Цензурируемая потребность в эмпирических исследованиях, признающих множественность жизненного опыта

И все же понимание этничности – независимо от теоретической рамки – требует эмпирической основы. Этничность нужно исследовать как живой негоцируемый и ситуативно определенный феномен, формируемый повседневными практиками и насыщенный противоречивыми значениями. Это требует долгосрочной вовлеченности в этнографические исследования. Однако в иранском контексте такие проекты сталкиваются с серьезными политическими и структурными барьерами. Секьюритизация этничности порождает атмосферу страха и самоцензуры. Исследователи и их собеседники опасаются обвинений в сепаратизме и столкновений с органами госбезопасности. Полевая работа становится опасной, и учреждения не склонны поддерживать исследования, которые ставят под сомнение господствующие нарративы.

Фокус на этничности заставляет иранскую социологию противостоять исключению тематики, бросать вызов доминирующим представлениям о нации и признать множественность жизненного опыта. Внимание к этничности предполагает также более фундированное понимание иранского государства, сформированное не только революцией и идеологией, но включающее также спорные географии и периферийные истории, а также борьбу за суверенитет. ■

Адрес для связи: aghil.daghagheleh@unco.edu

> Ситуативно определенные жизни, оспариваемое знание: перезапуск гендерных исследований в Иране

Шива Алинакян, независимый исследователь, Иран

Иллюстрация Йонесу (Yonesu).

В течение восьми лет я читала курсы по гендеру, этнографии и нарративу в тегеранских университетах. В течение этого времени я постоянно сталкивалась с институциональными ограничениями и политикой повседневности. В 2022 году меня уволили с преподавательской должности, и это стало для меня не только крушением личного проекта, но обнажило тот факт, что производство критического знания о гендере в Иране неразрывно связано с отношениями власти и формами повседневного сопротивления. Мое увольнение по времени совпало с ростом протестов под лозунгом «Женщина, Жизнь Свобода» (JINA). В таких условиях даже такие небольшие педагогические решения, как приглашение студентов к написанию мини-этнографий, документированию своего жизненного опыта и обсуждению глобальных феминистских теорий и локальных нарративов, становятся глубоко политическими действиями. Таким образом дестабилизируются институциональные ожидания, что гендер ограничивается вопросами административно-юридического свойства и безопасной проблематикой семейной политики.

Таким образом университетская аудитория не является защищенным академическим пространством. Это место, где государственная дисциплинарная логика сталкивается с желаниями студентов придать смысл своей собственной жизни. Мое увольнение сделало очевидным то, что многие преподаватели уже знали: гендерное знание в Иране

является precarious, потому что оно возникает в гущу повседневной жизни, а не вопреки ей.

> Хронология гендерных исследований в Иране: дисциплина, построенная сверху

Чтобы понять риски преподавания гендера в Иране необходимо рассмотреть локальную историю этого академического поля. Гендерные исследования возникли в Иране не в контексте открытой академической среды, а в условиях, когда социальные науки находились под жестким контролем и политическим мониторингом. Тень Культурной Революции – реструктурирование университетов в 1980-83 гг. – до сегодняшнего дня определяет научную жизнь в стране. Гуманитарные факультеты в это время подвергались идеологическим проверкам, программы обучения были переписаны, а дисциплины, считающиеся потенциально подрывными, подвергнуты жесткому контролю регулятора. В этой атмосфере подозрительности и появились гендерные исследования.

В первые годы 21 века это поле было запущено в качестве государственного проекта. В основных университетах страны появились программы Женских исследований. С самого начала их целью было не развитие феминистской критики, а регулирование сферы знания, которая становилась все заметнее в обществе. С распространением женского движения и гендерных дискуссий в публичном пространстве государство предприняло усилия ограничить эту энергию и определить рамки, в которых допустимо изучение женского вопроса. Дисциплина стала механизмом канализации социальных проблем в русло административно-правовых и семейных рамок, препятствуя развитию критического подхода.

В исламских семинариях это напряжение стало еще более явным. Феминистские теории проникли в теологические пространства, находившиеся под контролем исламской юриспруденции. Они были мобилизованы не для переосмысления гендерных иерархий, а для утверждения «естественных ролей», утверждения доктринальных границ и подвергались религиозной критике. Феминистские понятия обсуждались и в университетах, и в семинариях, но всегда в условиях, которые нейтрализовали их трансформирующий потенциал.

Такой институциональный выбор поддерживался более широким эпистемическим порядком, управляющим социальными науками. Позитивизм и классические количественные методы господствовали в институциональной иерархии и определяли степень легитимности, объявляя подходы, опирающиеся на изучение жизненного опыта или телесности «ненаучными». Эта иерархия вполне соответствовала стремлению

>>

государства сформировать деполитизированную административно полезную дисциплину.

> Возможности, порожденные в контексте недостатков необходимого, низового знания и сопротивления

Отсутствие фундаментальных оснований оказало влияние на дальнейшее развитие дисциплины. Для нее характерно почти тотальное исключение квир-теории, глубокая правовая и академическая маргинализация. Все это мешало развитию интерсекционального анализа, который мог бы соединить гендер и сексуальность, желание, родство и ненормативную телесность. Кроме того, господство англофонного либерального феминизма, импортированного в отрыве от социальной базы, которая его породила, сузило поле, ограничивая его проблематикой индивидуализма и среднего класса. Такой подход был явно недостаточным для изучения структурных условий, формирующих жизнь меньшинств и субалтерных женщин, однако обозначил проблемы, которые остаются нерешенными: постоянную недооценку репродуктивного труда и заботы, правовую уязвимость и феминизацию бедности. Все эти силы привели к созданию дисциплины, которая существует, но ограничена по содержанию. Это поле исследований в настоящее время должно одновременно решить две основные проблемы: обратиться к проблематике, которая раньше игнорировалась, и преодолеть сложившиеся ограничения в своем ядре.

Несмотря на то, что это поле остается узким, оно получило социальный резонанс. Женские исследования никогда полностью не были интегрированы в университетскую систему, но они с начала 21 века находились в тесной связи с женским движением. Участвуя в НГО, благотворительных организациях, литературных кружках, кампаниях протеста и актах повседневного тихого сопротивления, женщины создали свои собственные формы анализа и критики. Формы низового знания находятся в напряженных отношениях с академическими структурами.

Такая динамика привела к созданию дисциплины, определяемой двумя противостоящими друг другу силами: регулированием сверху и сопротивлением снизу. Эта двойственная динамика – государственный контроль и феминистские инновации – определила траекторию развития гендерных исследований в Иране и продолжает открывать возможности переосмысления самих границ социального знания.

> От регулирования к перезагрузке: переломка гендерных исследований в Иране

На фоне институциональных ограничений, которые структурировали в течение длительного времени гендерные исследования в Иране, феминистские исследователи, студенты и активисты - иногда тихо, иногда, подвергаясь личному риску, упорно работали над вовлечением в пространство, из которого они исключались. На моих собственных занятиях это сопротивление стало заметным при выборе студентами тем эссе: они предпочитали писать о труде заботы, интимности, мобильности и мелких регулярностях, формирующих гендеризованную жизнь. Это были не просто упражнения, а протестные формы знания, которое сопротивлялось доместикиции поля.

За пределами университета, защитники прав женщин, организаторы НГО, феминистки, принадлежащие курдским,

арабским и белуджским общинам, мигрантки и многие другие женские организации развивали аналитические подходы, опираясь на опыт борьбы за свои права, а не программы обучения, допущенные государственными органами. Эта длительная работа заложила основания глубокому сдвигу, который последовал после восстания JINA.

Движение JINA, возникшее в иранском Курдистане проявило новое феминистское сознание, которое является интерсекциональным, деколонизальным и транснациональным по своей направленности. Оно стало результатом многих десятилетий организационной работы среди курдских, арабских и белуджистских женщин и мигранток, которые много лет противостояли режимам угнетения, в которых переплеталась патриархат, милитаризм, этническая маргинализация и экономические захваты. Эта борьба распространилась в провинциях, удаленных от Тегерана, и всем стало понятно, что гендер неотделим от класса, этничности, насилия и колониальности.

Такое эмергентное феминистское сознание порождено местными условиями, однако чувствительно и к глобальным структурам насилия и солидарности. Оно признает, что борьба в Роджелате и Систан-Белуджистане резонирует с повесткой Палестины и Афганистана, что требования жизни и достоинства носят транснациональный характер. Новое феминистское сознание побуждает гендерные исследования порвать со своим государственным происхождением и перестроиться, ориентируясь на солидарности, возникающие снизу, ориентируясь на знание, порожденное телесным опытом, сообществами и практиками повседневного выживания.

> Необходимость развития социологии, основанной на жизненном опыте и ориентированной на коллективную трансформацию

В таком контексте мое увольнение не является единичным событием. Это симптом более масштабной борьбы вокруг вопроса о том, кто имеет право производить знание и какие формы знания имеют право на существование. Это событие напоминает о том, что перезагрузка гендерных исследований требует выдвижения на передний план тех форм знания и нарративов заботы, которые опираются на локальный контекст исследований, долгое время считавшихся периферийными.

Понимаемая в таком ключе феминистская практика является не альтернативой гендерным исследованиям, а приводит к изменению их направленности. Она поддерживает этику региональной солидарности, которая объединяет борьбу меньшинств, протесты в Афганистане и Палестине и при этом не создает иерархию страдания. На этом фоне гендерные исследования возникают как соединяющие практики перевода, выслушивания и признания маргинализированных жизненных миров. Это эпистемология ситуативного знания, которое является трансверсальным, укорененным в контексте и способным к преодолению дисциплинарных, национальных границ и ограничений идентичности. Будущее этого поля исследований зависит не от институционального признания, а от его способности воодушевить создание социологии для людей, опирающуюся на их жизненный опыт и содействующую коллективной трансформации. ■

Адрес для связи: <sh_alinaghian@yahoo.com>

> В условиях ограничений: социологические исследования Ирана. Круглый стол

Иллюстрация Ханса-Петера Гаустера, на Unsplash.

Этот круглый стол объединяет шестерых социологов, изучающих Иран и находящихся в различных академических областях и институциональных контекстах в разных геополитических локациях. Они все социологи, но рассматривают это общество с разных позиций, сформированных местом, которое они занимают в Иране и за его пределами, производя трансграничное знание, преодолевающее национальные, языковые и институциональные границы. Круглый стол затрагивает три ключевых методологических вопроса, исследующих вызовы, инновации и этические дилеммы проведения социологических исследований Ирана. Все авторы разделяют приверженность обоснованному, критическому и рефлексивному исследованию, хотя занимаются такими различными темами, как городской образ жизни, образовательная политика, цифровой активизм и экологическая справедливость. Каждый из них прокладывает путь по сложной территории исследования иранского общества в условиях политических и институциональных ограничений, эпистемического вытеснения и глобальной иерархии производства знаний.

>>

Авторов можно кратко охарактеризовать следующим образом.

Нафисе Азад — социальная исследовательница из Ирана, чья работа сосредоточена на гендерных вопросах и городской жизни с использованием качественных методологий. **Марал Латифи**, иранская исследовательница городской маргинальности и социальных страданий, изучает нисходящую мобильность в Тегеране. **Махбубе Мокадам**, докторантка Иллинойского университета (США), опирается на транснациональную феминистскую теорию в изучении молодежного активизма, эстетики и политической субъективности. **Фатеме Могадаси** живет и работает в Иране, специализируется на проблемах образования и социальной политики, исследует приватизацию образования, детский труд и инициативы по борьбе с бедностью. **Ладан Рахбари**, доцент кафедры социологии Амстердамского университета (Нидерланды), исследует (цифровой) дискурс и политику гендера и сопротивления. **Реза Сохраби**, докторант Карлтонского университета, Оттава (Канада), исследует экологическую политику и проблему нехватки воды.

Все эти ученые обсуждают три основных вопроса: как преодолеть методологические ограничения при изучении Ирана в условиях надзора и ограниченного доступа; какие этические рамки определяют их работу в условиях политической напряженности и риска; и как глобальная динамика власти формирует условия и иерархии производства знаний. **Рейхане Джавади** и **Назанин Шахрони** сформулировали тему беседы и вели диалог.

Рейхане Джавади (РДж) и Назанин Шахрони (НШ): Давайте начнем с проблем, которые определяют саму возможность проведения исследований. С каким конкретным методологическим препятствием вы столкнулись при проведении исследований в Иране и как вы его преодолели или адаптировались к нему? Какие общие выводы можно сделать из этого опыта о практике социологии в условиях политических ограничений или непрозрачности?

Нафисе Азад: Мои последние исследования посвящены взаимосвязи между женщинами и городской жизнью. В них я использую качественные методы для изучения жизненного опыта женщин. На эту работу повлияли два постоянных препятствия: ограниченный доступ к данным и повышенная политическая чувствительность вопросов, касающихся положения женщин в иранском обществе.

Доступ к надежным данным остается серьезной проблемой для социальных исследований, особенно в области гендерных вопросов. Ключевые статистические данные, например, данные о самоубийствах или убийствах чести, часто засекречены или недоступны. Несмотря на эти ограничения, я смогла получить частичные сведения, сравнивая данные Статистического центра Ирана и цифры, опубликованные полугосударственными или частными организациями.

Второе препятствие связано с растущим разрывом между официальной и общественной культурой в Иране, который подрывает как возможность, так и инфраструктуру проведения независимых исследований на национальном

уровне. Независимых институтов, готовых заниматься деликатными темами, немного, но они предлагают существенные возможности за пределами университетской системы. Мое последнее исследование по экономической активности женщин было проведено в сотрудничестве с одним из таких институтов.

Политическая чувствительность по-прежнему накладывает тематические ограничения: некоторые вопросы остаются запретными. Тем не менее, сосредоточившись на доступных областях и группах населения и применяя инновационные методы, я смогла получить подробные качественные данные, позволяющие сделать более широкие социологические выводы. Хотя публичное распространение информации остается ограниченным, особенно за пределами академических журналов, этот подход позволил мне продолжать критические исследования в условиях ограничений.

Фатеме Могадаси: Размышления Нафисе о сложности доступа к достоверным данным по вопросам, касающимся женщин, перекликаются с моим собственным опытом исследования социальной политики. В своей работе я сталкивалась не столько с культурными табу, сколько с глубоко укоренившимися институциональными ограничениями, которые определяют структуру самой области.

Разработка социальной политики зависит от постоянного взаимодействия между исследователями и политиками, однако в Иране эти отношения заметно ослаблены. Доминирование абстрактных философских подходов в сочетании с минимальным спросом со стороны политиков на эмпирические исследования привели к изоляции исследователей и разрыву связи между производством знаний и политическими действиями. Этот разрыв повлиял на мои исследования неравенства в образовании и приватизации государственного образования, в ходе которого я неоднократно сталкивалась с методологическими барьерами.

Во-первых, существует проблема доступа к данным микроуровня. Для эффективного анализа неравенства в образовании необходимы данные, отражающие индивидуальные, семейные и экологические условия учащихся. В Иране такие данные являются скудными, несистематичными и, как правило, доступны только на национальном или региональном уровнях. Формальные механизмы доступа к подробным данным через такие учреждения, как Министерство образования, в основном, отсутствуют или неэффективны. Это вынуждает исследователей полагаться на неформальные каналы и личные связи — способы, которые не только неустойчивы, но и этически сомнительны.

Во-вторых, значительным препятствием является контроль правительства над данными опросов. С 1990-х годов было проведено множество крупномасштабных национальных и более мелких опросов общественного мнения, в основном, финансируемых государственными учреждениями. Однако полученные данные остаются недоступными для независимых исследователей. Эта монополизация полевых данных способствует более широкой нехватке надежных источников в иранских социальных науках.

>>

Национальная библиотека Ирана.
Источник: Wikimedia Commons.

Наконец, доступ к самой области исследований становится все более ограниченным. Даже при наличии официальных разрешений от министерств, попытки провести наблюдения в школах, интервью или другие формы сбора данных часто сталкиваются с бюрократическими препятствиями или подозрениями. Сфера образования рассматривается как политически чувствительная область, что затрудняет проведение даже базовых эмпирических исследований. В результате исследователи часто вынуждены полагаться на документы или вторичный анализ, что ограничивает объем и глубину качественных исследований.

Эти ограничения не только определяют, какие вопросы можно задавать, но и влияют на саму возможность проведения значимых, основанных на фактах, социально-политических исследований в Иране.

Ладан Рахбари: Как и Фатеме, я тоже сталкивалась с проблемой недоступности или неполноты данных, но институциональная дистанция, о которой она говорит, приобретает иные очертания, когда ты работаешь из диаспоры и не имеешь легкого или безопасного доступа к объекту исследования. Проведение исследований за пределами Ирана создает дополнительный уровень сложности. Я могу привести пример своей работы по цифровым дискурсам сопротивления и несогласия.

В одном из моих текущих проектов я анализирую посты на фарси в Твиттере, которые циркулировали во время восстания «Женщина, жизнь, свобода» в 2022 году и после него. Поскольку я чувствую близость к теме в профессиональном и личном плане, но живу далеко от центра событий, в Нидерландах, мне потребовалось время, чтобы понять социологический смысл массовых протестов и почувствовать себя готовой к их изучению.

В этом конкретном проекте я сосредоточилась на изучении того, как пользователи, говорящие на фарси, выражают свои чувства по отношению к религии. Постоянной методологической проблемой, с которой я столкнулась, было разделение критики ислама как вероисповедания от критики Исламской Республики как политической системы. Это аналитическая трудность, которая может быть знакома многим, кто изучает иранское общество и популярный политический дискурс о религии и религиозности. Я заметила тенденцию преобладания интерпретации данных в пользу одной из двух сторон спектра.

Если бы у меня был прямой доступ к этой области, я бы дополнила анализ дискурса крупномасштабным качественно-количественным опросом, чтобы еще больше прояснить намерения и интерпретации. Я знаю, что удаленные опросы технически возможны,

но их проведение с помощью онлайн-инструментов из другой страны влечет за собой множество сложностей и предвзятости. Кроме того, как хорошо известно ученым, занимающимся Ираном, диаспора не может служить надежным представителем более широкого иранского населения. Таким образом, у меня есть только несовершенные инструменты для работы.

Конечно, есть способы преодоления этих трудностей. Например, я могу полагаться на альтернативные методы, такие как использование внешних читателей и совместной интерпретации, а также методы проверки результатов исследования участниками событий. Но даже в этом случае я по-прежнему считаю, что эти стратегии, какими бы ценными они ни были, не могут полностью заменить строгость и охват надежного и репрезентативного опроса, проведенного в Иране. Метод целевой удаленной проверки участниками, вероятно, может помочь в некоторой степени, но он не может полностью устранить неоднозначности интерпретации. Это лишь один из недавних примеров многочисленных методологических ограничений и проблем, которые я должна признать и преодолеть в своем исследовании.

Махбубе Мокадам: Поддерживая опасения Ладан по поводу удаленности от места проведения исследования и ограничений на поездки, я была вынуждена переосмыслить, что значит «быть в поле». Одной из самых серьезных методологических проблем, с которой я столкнулась при исследовании роли поколения Z в движении «Женщина, жизнь, свобода», была невозможность посещения Ирана и проведения полевого исследования лично. Это ограничение затруднило доступ к повседневным взаимодействиям и неформальным беседам, которые имеют решающее значение для этнографических исследований.

Движение стало катализатором молодежных протестов по всему Ирану против гендерного насилия и авторитарного правления. Вместо того, чтобы отказаться от этой темы, я обратилась к цифровой этнографии. Я освоила этот метод и начала систематически собирать данные из социальных сетей, новостных репортажей и цифровых архивов. Чтобы обогатить этот цифровой подход, я создала сеть надежных контактов с помощью метода «снежного кома», проводя онлайн-интервью и неформальные беседы с людьми, которые в настоящее время находятся в Иране, а также с теми, кто недавно покинул страну. Я также регулярно общаюсь с людьми, которые путешествуют между Ираном и США, и задаю им конкретные вопросы и фиксирую их наблюдения. Друзья в Иране помогают мне получить доступ к последним исследованиям и академическим диссертациям.

Хотя проект все еще находится на ранней стадии, эта адаптивная стратегия, основанная на использовании нескольких источников, позволила мне собрать информацию о повседневной жизни и взглядах местных участников, что дает мне более обоснованное и тонкое понимание ситуации на месте, несмотря на физическое отсутствие.

Реза Сохраби: Переход Махбубе к цифровой этнографии и записи рассказов очевидцев напоминает мне о том, насколько доступ к информации сегодня зависит не только

от отношений с участниками, но и от самих методов. В моем случае укрепление доверия было не просто необходимым условием исследования, но и самостоятельным методом.

Моя докторская диссертация посвящена проблеме нехватки воды и социальным движениям в Иране. Это сравнительное исследование провинций Исфахан и Хузестан, в рамках которого я беру интервью у ученых, активистов и фермеров о политике в области водоснабжения. Ограничения в полевой работе были особенно значимы, когда дело доходило до отбора участников исследования.

Как и для Махбубе, проведение исследования из-за границы сделало укрепление доверия крайне важным для возможности проведения интервью. Чтобы справиться с этой задачей, я в значительной степени полагался на метод «снежного кома»: просил дать мне советы и рекомендации, не указывая, буду ли я их использовать, чтобы сохранить анонимность. Я также обнаружил, что вовлеченность в сообщество является особенно эффективной стратегией. Установление открытого общения с участниками перед интервью помогло им осмыслить академический характер и цель моего проекта. Как только они поняли значение своего вклада, многие из них проявили желание участвовать.

В политически чувствительных контекстах исследования требуют подходов, основанных на местных реалиях, таких, которые зависят от доверия участников к исследователю и их убежденности в ценности проекта. Для меня коммуникация и вовлечение сообщества стали не только инструментами доступа, но и центральными компонентами этического и эффективного проведения исследований в условиях ограничений.

Марал Латифи: Хрупкость доверия в условиях проведения сенситивных исследований, о которой говорит Реза, является абсолютно ключевым моментом. В своей докторской диссертации я исследовала нисходящую мобильность групп со средним доходом в Тегеране через призму концепции Бурдьё, уделяя особое внимание взаимосвязи между социальными страданиями и пространственным перемещением в условиях недавних экономических кризисов в Иране. Эмпирически исследование основывалось на 32 интервью с людьми, пережившими этот опыт, 25 из которых составили аналитическое ядро. Две основные методологические проблемы заставили меня обратиться к рефлексивному реляционному подходу Бурдьё. Во-первых, участников просили описать хронические и укоренившиеся формы социальных страданий, — то, что Бурдьё называл *misère du monde* — которые развивались на протяжении многих лет. Во-вторых, эти переживания были тесно связаны с процессами обнищания, которые для среднего класса имеют выраженные стигматизирующие эффекты.

Эта двойная проблема создавала риски сведения интервью к формальному обмену мнениями или, что еще более опасно, воспроизведению структурного насилия в рамках самого исследования. Для этического подхода к рассказам о потерях и переездах было необходимо использовать осторожную, основанную на доверии методологию.

РДж и НШ: Из ваших размышлений следует, что метод никогда не является просто вопросом техники, он формируется условиями, в которых проводится исследование: когда доступ к информации ограничен, она замалчивается, а сама среда остается нестабильной. Учитывая эти условия, как вы справлялись в своих исследованиях с этическими противоречиями, связанными с различными рисками - для вас самих, ваших собеседников или ваших данных? Какие этические принципы лежали в основе ваших решений и каким образом они могут усложнить или поставить под сомнение доминирующие рамки исследовательской этики?

Ладан Рахбари: Как и многие социологи, занимающиеся Ираном, я постоянно сталкиваюсь со сложными вопросами безопасности и конфиденциальности для моих собеседников, а также для себя и других исследователей, работающих со мной или на меня. Но одна из самых серьезных проблем, с которыми я столкнулась в последнее время, возникла не в самой области исследования и не со стороны иранского государства, а в процессе этической экспертизы – в моем собственном университете.

После подачи заявки и получения финансирования для проекта, о котором я рассказала в своем предыдущем комментарии, комитет по этике моего университета признал его рискованным, исходя из предположения, что любой контакт с иранцами может привести к тому, что иранские спецслужбы (дистанционно) начнут следить за мной, моим учреждением, а также за пользователями социальных сетей, которых я изучаю. Я признаю, что эти опасения не были полностью беспочвенными, и я, безусловно, разделяю некоторые из них. Однако протоколы, предложенные для смягчения этих проблем безопасности, были недостаточно обоснованными и сделали бы исследование чрезвычайно сложным или практически невозможным.

Одной из рекомендаций было получение информированного согласия от всех пользователей социальных сетей в довольно большом наборе данных, с которым я хотела работать. Это была бы невыполнимая задача, а также контрпродуктивная, поскольку могла бы еще больше подвергнуть опасности этих пользователей из-за прямого контакта со мной. Другая рекомендация заключалась в том, чтобы проводить весь анализ в гиперзащищенной цифровой среде и немедленно удалять данные, что не позволило бы мне вернуться к материалам или проверить свои выводы.

После нескольких месяцев переговоров я наконец получила разрешение на продолжение работы. Это был долгий процесс, который задержал начало проекта на несколько месяцев. Пройдя через этот процесс, я была действительно разочарована и решила не собирать новые данные. Вместо этого я использовала существующую базу данных, собранную коллегой из другого университета в Нидерландах, который уже получил этическое одобрение своего университета. Мне очень повезло, что такая база уже существовала.

Я делюсь этой историей, чтобы показать, как (западные) институциональные этические рамки сами

по себе могут, в конечном итоге, функционировать как инструменты секьюритизации, особенно когда речь идет об исследованиях, сосредоточенных на так называемых незападных контекстах, которые воспринимаются как «чувствительные» области, насыщенные многими рисками. Такие процессы, даже если они преследуют благие намерения, создают риски ограничений академической свободы, особенно для ученых-мигрантов и представителей диаспор, таких как я, поскольку приводят к самоцензуре или настолько демотивируют социологов, что они, в конечном итоге, меняют темы или стратегии своих исследований.

Махбубе Мокадам: Институциональная секьюритизация, о которой говорит Ладан, переключается с этической дилеммой, с которой я часто сталкиваюсь в своей работе. В моих исследованиях цифрового активизма поколения Z в Иране этические противоречия часто возникают вокруг вопросов заметности (visibility) и риска.

Один из примечательных случаев касался девушки-подростка, чьи публичные посты в Instagram стали символом движения «Женщина, жизнь, свобода». Хотя ее посты широко распространялись, я решила не цитировать их напрямую. Вместо этого, чтобы предотвратить повторную идентификацию, я анонимизировала и перефразировала контент, включив его в составные нарративы. Я всегда ставила безопасность и согласие участников выше предполагаемой «полноты» данных. Хотя некоторые этические рамки рассматривают публичные данные как нейтральные, я не могу игнорировать опасность гипервидимости в таком политически чувствительном контексте.

После подавления движения девушка удалила многие свои посты и истории. Тон ее профиля заметно изменился; ее Instagram-истории и посты в Telegram перешли от социально-политических комментариев к юмору и мелочам. Этот сдвиг подчеркнул реальные риски разоблачения.

Дополнительные этические проблемы возникли во время онлайн-интервью с участниками исследования, живущими в Иране. Я использовала зашифрованные платформы, такие как Signal, избегала записи разговоров, если на это не было явного разрешения, и обеспечивала полную анонимность. Эти практики – не просто технические решения, а этические обязательства, сформированные нестабильными условиями, в которых работают как исследователи, так и участники.

Реза Сохраби: Внимание Махбубе к вопросу заметности (visibility) напоминает о более широкой проблеме, с которой сталкиваются многие из нас: как сохранить целостность рассказов участников, не усугубляя их уязвимость. В своем исследовании я решил эту этическую проблему с помощью гибкого, ориентированного на участников подхода, который позволял людям оценивать и формировать процесс интервьюирования по мере его развития.

Проведение анонимных интервью оказалось крайне важным. Это позволило участникам говорить более свободно, не опасаясь последствий. Анонимность значительно снизила тревогу, которую многие испытывали,

>>

высказывая свои взгляды. В одном случае активист поделился подробной критикой государственной политики в области управления водными ресурсами. Хотя разговор был открытым, участник позже выразил обеспокоенность тем, что его комментарии могут быть отслежены. После обсуждения рисков он убедился, что его мнение не может быть идентифицировано, и дал согласие на его включение.

Тем не менее, я предпринял дополнительные шаги для усиления анонимности, опустив конкретные временные и географические отсылки, чтобы минимизировать риск раскрытия. Это позволило мне сохранить суть повествования и одновременно защитить личность участника.

Этот опыт показал мне, что этическое исследование, особенно в политически сложных условиях, требует не только внимания к проблемам раскрытия и де-анонимизации, но и приверженности принципам безопасности участников как неотъемлемой части самой работы. Гибкость и отзывчивость к опасениям участников были ключом к созданию атмосферы доверия и, в конечном итоге, сделали исследование возможным.

Марал Латифи: Как и Реза, я пришла к пониманию этики не как чек-листа, а как процесса поддержания отношений. Для меня это потребовало переосмысления не только анонимности, но и самой грамматики взаимодействия с участниками. Этическое сопротивление объективации участников означало переход от экстернализирующего «ты» к коллективному, эмпатичному «мы».

Следуя подходу Бурдые (см. *The Weight of the World* [Тяжесть мира]), я отбирала участников через надежные социальные сети — либо прямых знакомых, либо по рекомендациям. Эта стратегия уменьшила символическую дистанцию и создала условия для обмена стигматизированным опытом. Эту стратегию еще больше укрепила моя собственная биографическая близость, поскольку я сама испытала различные формы территориального вытеснения. Биографическое сходство помогло укрепить взаимопонимание и позволило более тонко интерпретировать результаты.

Однако те самые условия, которые способствовали доверию и доступу, также усложнили анонимизацию и потребовали методологической адаптации. Например, я решила отказаться от биографического портрета, который мог бы лучше отразить глубину отношений, лежащих в основе страданий участников, в пользу тематического анализа, который обеспечивал большую защиту личности, даже если это происходило за счет связности повествования.

Фатеме Могадаси: Замечание Марал о близости и риске подчеркивает дилемму, с которой я часто сталкиваюсь: доверие и близость, лежащие в основе этического исследования, могут вступать в конфликт с государственными учреждениями, которые рассматривают критическое исследование как политическую угрозу. Хотя академическая среда предоставляет исследователям определенную свободу в выборе тем и методов, эта свобода быстро сужается, когда исследование выходит за пределы академических границ — будь то сотрудничество

с государственными учреждениями или публичное распространение результатов. Эти ограничения носят не только технический или бюрократический характер; они являются глубоко этическими и идеологическими.

В сфере разработки образовательной политики критика, как правило, допускается, когда она направлена на управленческую неэффективность или недостатки исполнительной власти. Но критика, которая затрагивает более глубокие вопросы, — такие как идеологические основы системы образования, нормативные ценности, заложенные в школах, или вопросы языковой, культурной и политической справедливости — часто вызывает реакцию, основанную не на научном подходе, а на идеологической бдительности или политическом контроле.

В такой среде структурная критика редко приветствуется. Ее часто отвергают как «политические маневры» или обвиняют в «подрыве национальных институтов». Эти условия ставят исследователя в сложное этическое положение, требуя постоянного баланса между научной честностью, доступом к объекту исследования и личной или профессиональной безопасностью, особенно в исследованиях, ориентированных на справедливость, которые сопряжены с особыми рисками и сложностями.

Нафисе Азад: Размышления Фатеме о политизации свободы научных исследований перекликаются с моей работой в области женских исследований, где вопросы безопасности и согласия определяют каждый этап процесса. Учитывая мою зависимость от этнографических методов и целевой выборки, анонимность имеет решающее значение, особенно в исследованиях, посвященных женщинам. Я использую ряд методов защиты участников, включая анонимное хранение данных, изъятие идентифицирующих деталей и удаление интервью после завершения исследования. Участники могут в любой момент отказаться от интервью — полностью или частично — и в любой момент потребовать, чтобы я прекратила запись. Я принимаю все возможные меры обеспечения их безопасности. Я избегаю обмена интервью через мессенджеры или электронную почту и делюсь ими с другими членами исследовательской группы только при явном согласии участников.

В некоторых случаях я отказывалась предоставлять результаты исследований заказчикам, если участники не соглашались на обмен оригинальными интервью. В других случаях я брала на себя полную ответственность за свой аналитический отчет чтобы не раскрывать имена или местонахождение участвующих женщин. Эти меры предосторожности еще более сложны вне университетской системы, где институциональная защита и ресурсы ограничены.

Пожалуй, самым болезненным и неизбежным аспектом этой работы является то, что я иногда заранее отказываюсь от целых областей исследования — когда чувствую, что не могу обеспечить безопасность данных, участников или свою собственную безопасность при распространении результатов.

РДж и НС: И все же эти этические и методологические противоречия носят не только локальный характер;

>>

они укоренились в глобальных властных структурах и формируются политикой производства знания. Власть определяет, что считается научным исследованием, какие вопросы можно задавать и чьи нарративы считаются достоверными. На производство, распространение и восприятие социологических знаний об Иране влияют и глобальные обстоятельства, например, санкции, позиция диаспоры и ожидания западных академических кругов.

Марал Латифи: Еще одним, менее заметным препятствием для производства социологических знаний в Иране является преобладающее требование, чтобы социологические исследования были посвящены актуальным политическим событиям или предсказывали конечные результаты коллективных протестов. Это требование, укорененное в дискурсе об Иране как о «переходном обществе», незаметно сдерживает фундаментальные исследования динамики социального пространства. Как ни парадоксально, такое давление сдерживает развитие иранской социологии, способной дать тонкое объяснение настоящему и представить возможные варианты социального будущего.

Фатеме Могадаси: Развивая аргумент Марал, хочу отметить, что даже попытки проводить долгосрочные или фундаментальные исследования часто блокируются структурными ограничениями финансирования. Одним из основных препятствий для социологических исследований в Иране является зависимость университетов и исследовательских центров от заказных проектов, которые обычно финансируются государственными или полугосударственными учреждениями. Эти проекты следуют модели «запрос-ответ», оставляя мало места для независимых или долгосрочных исследований.

У меня также есть опыт написания проектов исследований по актуальным социальным вопросам, которые так и не были реализованы из-за отсутствия финансирования. Это не только приводит к потере исследовательского потенциала, но также подрывает мотивацию и снижает качество производства знаний.

На международном уровне Иран редко становится приоритетным объектом для изучения проблематики социальной политики. Исследовательские программы учреждений, занимающихся Ближним Востоком и Северной Африкой, как правило, согласуются с интересами международных организаций или отдают предпочтение проектам, в которых легче получить доступ к данным. В результате иранские проблемы часто остаются в стороне или сводятся к вопросам геополитики и безопасности.

Этот пробел очевиден в литературе по приватизации образования. Такие страны, как Афганистан и Ирак, часто анализируются, несмотря на переживаемые ими кризисы. И, напротив, Иран, несмотря на значительные политические изменения, по-прежнему, в основном, отсутствует в литературе. Отчасти это связано с отсутствием прозрачной системы данных и постоянного международного сотрудничества, что затрудняет

позиционирование Ирана как «анализируемого» объекта в рамках транснациональных исследований.

Реза Сохраби: Развивая мысль Фатеме о структурной изоляции, я хочу подчеркнуть, как международные санкции меняют даже самые базовые логистические аспекты академических исследований, особенно для ученых, проживающих в диаспоре. Экономические санкции США в отношении Ирана влияют на исследователей по-разному. Во время полевых исследований я не мог оказывать финансовую поддержку участникам или отправлять им подарки, поскольку международные транзакции, включая подарочные карты, были заблокированы.

Я также подал заявку на внешний исследовательский грант, но моя заявка так и не была рассмотрена, поскольку полевая работа планировалась в Иране. В качестве обоснования был указан запрет на исследования в «зонах военных конфликтов» — обозначение, которое включало Иран, несмотря на отсутствие активных конфликтов в последние годы. Это отражает, как более широкие милитаризованные представления о Ближнем Востоке и Глобальном Юге формируют западные классификации, искажая реальность на местах и лишая ученых из диаспоры доступа к важным ресурсам.

Такие случаи показывают, что исследователи, работающие в диаспоре, сталкиваются с такими очевидными барьерами, как ограниченная мобильность, отсутствие доступа к финансированию и структурные академические препятствия, которые не затрагивают социологов, работающих в менее политизированных условиях.

Нафисе Азад: Изоляция, о которой говорит Реза, носит не только материальный, но и интеллектуальный характер. Находясь в Иране, я испытываю удушающую изоляцию, обусловленную как международными санкциями, так и внутренними ограничениями. Санкции ограничивают доступ к академическим ресурсам, программам обучения и необходимым инструментам проведения исследований. Участие в международных конференциях часто блокируется отказом в выдаче виз, и в последние годы стало практически невозможным. Эти барьеры усугубляются собственными ограничениями иранского правительства на участие в международных мероприятиях, что приводит к повсеместной изоляции иранских ученых. Эта изоляция не только набирает обороты, но уже прочно укоренилась.

Однако еще более тревожными являются ожидания и предвзятость западных академических институтов, которые часто оставляют без внимания сложность и разнообразие иранского общества, особенно положения женщин. Стереотипные представления о мусульманских женщинах Ближнего Востока по-прежнему определяют восприятие рецензентов и редакторов научных журналов. Одна из моих недавних статей была отклонена известным журналом по гендерным исследованиям, поскольку ее выводы были сочтены непонятными или неприемлемыми. Я полагаю, что это было вызвано несоответствием между моим исследованием и доминирующими западными

>>

представлениями о мусульманских женщинах. Проявления самостоятельности, сопротивления или альтернативные подходы к семье и материнству часто подвергаются сомнению на фундаментальном уровне.

На протяжении всего процесса рецензирования я все больше чувствовала, что ко мне относятся не как к исследователю, а как к сборщику данных. В случае другой статьи, которая, в конечном итоге, была опубликована после значительных изменений, у меня сложилось четкое впечатление, что рецензенты, которые никогда не были в Иране, считали, что понимают иранских женщин лучше, чем я. Попытки представить женщин во всем их разнообразии и трансформациях часто сталкиваются с серьезным сопротивлением в глобальных академических кругах. Эта проблема еще более заметна на конференциях, где наблюдается аналогичная динамика. К сожалению, некоторые иранские ученые, работающие в западных учреждениях, усугубляют эту динамику, оценивая работы своих коллег через ту же экзотизирующую призму. Однако в результате глубокой полевой работы мы получаем знания о женщинах, чьи жизненные стратегии и личный выбор опровергают эти упрощенные нарративы.

Ладан Рахбари: Я хочу переключить внимание на политику голоса и авторитета в диаспорах, особенно в западных академических кругах. Как исследовательница, принадлежащая к обширной иранской диаспоре и до некоторой степени обладающая институциональными ресурсами, я защищена от угнетения со стороны иранского государства и пользуюсь поддержкой, к которой не все имеют доступ. Хотя я не застрахована от удаленного наблюдения или преследования, я сталкиваюсь с другими формами контроля, как в академических учреждениях, так и, к сожалению, в иранских кругах диаспоры.

Я также заметила, что определенные типы голосов, особенно те, которые воспринимаются как высказывания западных светских (иногда самопровозглашенных) экспертов, легче принимаются в западном контексте. Такие высказывания также склонны воспроизводить колониальные или ориенталистские нарративы о спасении, приходящем с Запада. В такой среде трудно быть услышанной, поскольку определенные доминирующие нарративы диаспоры уже сформировали принятые или предпочтительные рамки.

Это делает еще более важным производство погруженных в эмпирическую реальность (grounded) научных исследований. Однако, как я уже упоминала в своем предыдущем комментарии, гиперсекьюритизированные протоколы исследований создают серьезные препятствия не только для сбора и обработки данных, но и для более широкого процесса производства знаний. Я также могу согласиться с тем, что говорит Нафисе о том, как институты работают в рамках уже установленных эпистемологических парадигм и не так гибки, когда речь заходит об альтернативных знаниях или формах производства знаний. Я считаю, что нам нужно отказаться от подхода, который рассматривает нас как источники данных для подтверждения уже устоявшихся западных теорий: иранский контекст имеет свои особенности и лучше

всего познаваем через сочетание репертуаров знаний, которые являются локальными, региональными и, да, иногда даже транснациональными. Сейчас нам больше всего нужны строгие, нюансированные исследования, которые противостоят упрощенным, заимствованным, повторяющимся и зачастую избитым рамкам.

Я говорю все это, но я также знаю, что это нелегко. Существует институциональное и неолиберальное давление, направленное на упрощение политических и социальных реалий Ирана. И не во всем этом можно винить структуры. Ученые, как и все остальные, являются частью капиталистического рынка, ориентированного на прибыль, и иногда принятие сложных «решений» обходится слишком дорого. Преодолевать эти вызовы, наряду с методологическими и этическими ограничениями, дисциплинарными нормами, политикой диаспоры и постоянным контролем доступа, действительно очень утомительно. Для многих ученых (особенно начинающих), которые пытаются выжить на жестоком рынке социологического труда, такие эпистемологические решения переплетаются с личной жизнью. Как мы, социологи, любим говорить: все сложно.

Махбубе Мокадам: Размышления Ладан об профессиональном истощении глубоко созвучны моим мыслям. В своей работе я видела, как доминирующие эпистемологии сужают понимание того, какое знание является ценным. Я основываю свои исследования на транснациональных феминистских и антиколониальных подходах, рассматривая глобальную динамику власти не как внешнее ограничение, а как центральный фактор, определяющий производство, распространение и восприятие знаний об иранском обществе.

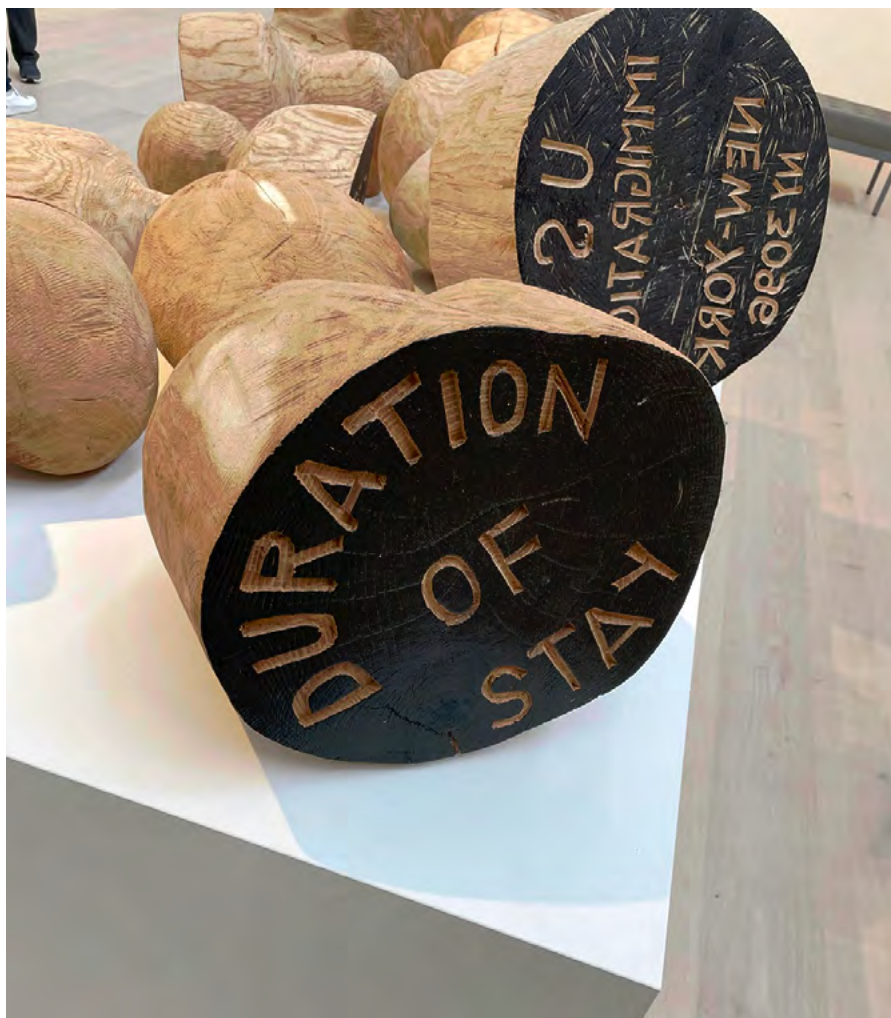
Как ученый из диаспоры, я пользуюсь преимуществами видимости — платформами, доступом к языку и возможностями публикаций — которые часто недоступны тем, чью жизнь и сопротивление я изучаю. Однако санкции, напряженность в отношениях между США и Ираном, цензура и слежка по-прежнему ограничивают мой доступ к архивам, полевым исследованиям и сотрудничеству с учеными, живущими в Иране.

В то же время западная академическая среда склонна отдавать предпочтение либеральным и институциональным формам знания, сосредоточенным на законности, политике или реформах, и при этом упускает из виду политическое значение аффектов, памяти, эстетики и повседневного сопротивления. В своей работе я настаиваю на том, что эти менее понятные практики имеют жизненно важное политическое значение. Это не просто теоретическая позиция, а отражение специфических условий Ирана и творческих стратегий борьбы, которые возникают в этих условиях.

Я беру на себя этическое обязательство сопротивляться экстрактивным рамкам и сосредоточиться на формах познания, основанных на телесном опыте. Так формулируется феминистский отказ делать исследования понятными только на условиях, определенных Глобальным Севером. ■

> Политическая и социальная экономия трудовой миграции

Карен Шайр, Университет Дюсбурга-Эссена (Германия), **Хайди Готтфрид**, Государственный Университет Уэйна и Фонд Расселл Сейдж (США) и **Рина Агарвала**, Университет Джона Хопкинса, (США)

Печати на художественной выставке.
Фото: Карен Шайр.

В течение столетий миграция рассматривается как противоречивый феномен: как возможность для одних и проклятие для других. Миграция из Европы на Юг и в Юговосточную Азию, в Северную и Южную Америку, и Африку с 15 по 19 века предоставляла ресурсы, землю и возможности для европейских мигрантов. Но те же самые миграционные потоки несли с собой завоевания, захват земель, болезни, насилие, а, в некоторых случаях, и тотальное уничтожения культуры местного населения в принимающих странах. В 18 и 19 веках принудительные миграции их Африки и Южной Азии в другие части Африки, Азии и, в особенности, в Америку повлекли обогащение поселенцев в принимающих

странах, и вместе с тем, сопровождалась бесчеловечным насилием и деградацией самих мигрантов, не говоря о поколениях их потомков. И сегодня мы наблюдаем еще одну версию того же движения маятника. Для миллиардов людей миграция – это не только шанс экономического выживания и/или физической безопасности. Миграционные потоки создают также глубинную уязвимость и порождают гнев у миллионов местных жителей. Эти противоречия в одной стране за другой приводят к подъему правых политических коалиций, полных ненависти и вражды. В это время социологи должны разработать новую аналитическую оптику изучения миграций, и мы предпринимаем эту попытку.

>>

В этом разделе представлен социологический анализ политической и социальной экономики трудовой миграции, в фокусе внимания которой государства, политические процессы и проблемы, стоящие перед людьми, которые стремятся улучшить условия своей жизни с помощью внутренней и внешней мобильности. Статьи этого раздела первоначально обсуждались на конференции «Международная политэкономия труда мигрантов» (летом 2024 г.), поддержанной ИК МСА «Экономика и общество» (RCO2) и Фондом Мирового сообщества Университета Дюсбург-Эссена. На повестке дня проблемы, отсылающих государств и политики эмиграции (особенно из стран Глобального Юга), капитал иностранных инвестиций, сложные переплетения миграций из села в город и пересечение границ (особенно в контексте Глобального Юга), сравнения отсылающих и принимающих государств, образованной и низко оплачиваемой миграции, ожидания мигрантов и их жизненные траектории. Страны, которые мы обсуждаем, охватывают широкую социально-политическую географию. Все это демонстрирует сложную межрегиональную и транснациональную структуру миграционных потоков, пронизывающих мировую систему.

> Анализ режимов миграции – развития

Инновация в социологическом анализе миграции – это сдвиг в сторону концептуализации роли и последствий трудовой миграции для отсылающих стран, где экономические, социальные и политические трансформации непосредственно связаны с миграциями благодаря тому, что Агарвала называет «режимом миграции - развития». Как резюмирует Агарвала в первой статье этой подборки, изучение режима миграции -развития в Индии, где впервые стало использоваться это понятие, и в других развивающихся странах, фокусируется на трех основных вопросах. Во-первых, исследователи выясняют, кто выигрывает от миграции, во-вторых – каковы последствия миграции и, в-третьих, как постоянно меняется связь между миграцией и развитием.

Выявление тех, кто выигрывает от миграции, помогает позитивно повлиять на общественное мнение в отношении миграционных процессов. Изучение последствий миграции, особенно в отношении социально-классовых иерархий и элитных коалиций, может осветить миграцию как модель роста и обозначить ее влияние на социальную защиту. И наконец, изучение того, как миграционные режимы развития меняются с течением времени, поможет сформировать альтернативное видение позитивного влияния миграции на социальное развитие.

Изучая миграцию из Индии в сектора низкооплачиваемой занятости за границей, Кумар выясняет, какова роль двусторонних соглашений между принимающими и отсылающими странами в регулировании этого процесса. Эта правовая практика позволяет хотя бы номинально обеспечить безопасную и упорядоченную миграцию. При этом Кумар показывает, что такие соглашения не в состоянии адекватно

обеспечить здоровье и безопасность мигрантов из Индии, частично потому, что при составлении таких документов власти не консультируются с организациями мигрантов и профсоюзами по вопросам социальной защиты. Миграции из страны выполняют много задач в индийском контексте. Они способствуют экономическому развитию и обеспечивают политическую легитимность властей принимающей и отсылающей стран, а также удовлетворяют потребности нового неолиберального хабитуса.

> Внутренняя миграция и труд заботы

Социологические исследования мобильности мигрантов много лет отслеживают последствия миграций, связанных с заботой и уходом как в отсылающих странах, где возникает нехватка заботы, так и в принимающем сообществе, где усиливается социальное неравенство, а условия трудовой эксплуатации коренятся в глобальных социальных и экономических иерархиях. Статьи, посвященные внутренней миграции и миграции, связанной с трудом заботы, посвящены сравнению транснациональной мобильности на Глобальном Юге и сопоставлению миграций из сельской местности в города с межстрановыми миграциями.

Вега-Салазар, Морено, Кастибланко-Морено и Пинеда выявляют системные различия между мобильностью женщин Глобального Юга в Латинской Америке и потоками миграций, направленными с Севера на Юг, изучение которых доминировало в этом поле исследований. Глобальные цепочки заботы работают не просто как трансфер рабочей силы, занимающейся воспроизводством. Венесуэльские женщины, приезжающие на заработки в Колумбию, привозят с собой свои домашние обязательства по заботе, прибывая в принимающую страну со своими детьми и зависимыми взрослыми. В секторе занятости, связанном с трудом заботы, перемещенные колумбийские женщины составляют значительную долю, а нерегулируемая миграция и неформальности, присущие этому сектору экономики оказывают воздействие на условия труда и безопасности жизни мигранток из Венесуэлы.

Нг и Йе (Ng and Ye) сравнивают паттерны мобильности в различных странах Восточной и Юго-Восточной Азии. В фокусе внимания миграция работников заботы из сельской местности в города в Китае и транснациональная миграция домашних работников из стран с низким уровнем доходов в Сингапур. Идеологии «развития через мобильность» (“mobile developmentalism”) в разных контекстах действуют аналогично и позиционируют мобильных мигрантов, занимающихся домашним трудом как менее современных, а значит и в меньшей степени достойных приличной работы и справедливого отношения со стороны современных городских семей, которые они обслуживают.

> Вопросы об отношении к образованным и квалифицированным мигрантам

Две статьи этого раздела посвящены образованным и квалифицированным мигрантам, опыт которых

>>

относительно мало представлен в современной литературе о миграции. Эта нехватка знаний особенно характерна для стран Персидского Залива. Пол, Явас и Парк представляют результаты исследования экспатриантов из стран Ближнего Востока, Северной Африки (MENA) и Южной Азии в Дубай: многие предпочитают это направление миграции известным трудовым рынкам Глобального Севера. Экспатрианты из стран Залива и Южной Азии отдадут предпочтение Дубаю, потому что в этом городе перспективны карьеры и условия жизни не уступают странам Глобального Севера, географическая близость способствует посещению родственников, а уровень толерантности в отношении религиозных и этнических идентичности является достаточно высоким. Такие условия, однако, не распространяются на мигрантов из Суб-Сахары, которые в Дубае сталкиваются с дискриминацией точно так же, как и в странах Глобального Севера. Такие глобальные города, как Дубай, являются местами инкорпорации большого числа низкооплачиваемых мигрантов, которые обслуживают элитных экспатов и создают прекарную феминизированную экономику услуг социального воспроизводства.

Сю сравнивает мотивации мигрантов из Китая, которые перемещаются внутри страны и за границу – в Канаду – в целях получения образования. До сих пор исследования показывали, что канадское гражданство и городская прописка «хукоу» (“hukou”) в Китае являются основными мотивами образовательной миграции как внутри страны, так и за границу. Хукоу показывает, что, напротив, образовательные мигранты из сельской местности в большей степени заинтересованы в получении перспективной работы на городском трудовом рынке Китая, нежели в получении нового статуса прописки. Образовательные мигранты из Китая в Канаду предпочитают статус постоянного проживания гражданству. Такие же предпочтения выказывают китайцы, которые мигрировали из сельских районов Китая в Канаду. Эти предпочтения объясняются тем, что получение канадского гражданства может ограничить возможности их поездок в Китай и препятствуют транснациональной жизни, которую они рассчитывают вести.

> Случай китайского влияния в Камбодже

Последняя статья (Лай и Сю) демонстрирует как прямые китайские иностранные инвестиции в Камбодже укрепляют авторитарный капитализм в этой стране. Китайские инвестиции составляют 90% текстильной промышленности и 55% всех иностранных предприятий: авторитарное государство отдает предпочтение экономическому росту, опирающемуся на иностранные инвестиции, а не трудовым правам и демократическому участию. Несмотря на то, что камбоджийские рабочие легкой промышленности продолжают бороться против

эксплуатации, число забастовок резко снизилось, поскольку страна предоставляет дешевую рабочую силу, обеспечивающую работой китайских инвесторов. Миграционный режим развития в этом контексте напоминает тот, который сформировался в условиях зависящего развития в Латинской Америке и Южноазиатских странах.

> Идеологии и политические программы определяют, станет ли миграция каналом социальной мобильности или усилит существующие иерархии

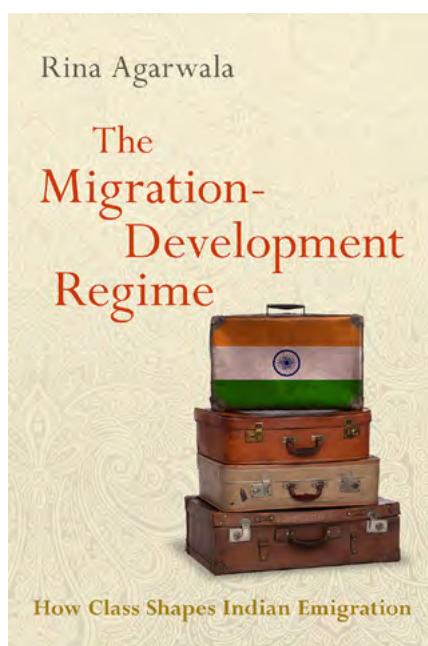
Направления будущих социологических исследований, обозначенные в этом разделе, фокусируют внимание на значимость государств (отправляющих и принимающих), их развития и моделей инвестиции для моделей миграционных потоков. Эти обстоятельства определяют, станет ли миграция механизмом расширения возможностей социальной мобильности и безопасной жизни или превратится в ловушку для уязвимых мигрантов, находящихся в условиях прекарности. Социальный класс, гендер и этничность (особенно с учетом различий в уровне доходов в принимающих и отправляющих странах) оказывают сильнейшее влияние на последствия миграций. Хотя образованные мигранты в большей степени могут рассчитывать на улучшение жизненных шансов, их миграционная судьба зависит от степени интеграции или исключения из рынка труда в принимающем обществе.

Идеологии и перспективные планы развития в значительной степени определяют модель миграции, либо создавая возможности социальной мобильности, либо цементируя классовые, гендерные и этнические иерархии. Международное регулирование в защиту безопасной и упорядоченной миграции еще не обеспечивают справедливого отношения и социальной защиты низкооплачиваемым работникам. Миграционные программы принимающих стран все еще не обеспечивают достаточной социальной и политической защиты квалифицированным мигрантам. Следствия внутренней и транснациональной миграции одинаковы для практик пограничных режимов, социального включения и исключения. Это связано с тем, что в таких секторах экономики, как домашний труд, труд заботы и малооплачиваемая легкая промышленность, внутренняя и межстрановая миграции переплетаются. Миграции в странах Глобального Юга и сочетание миграции внутри страны и за границу подчеркивает необходимость проведения дальнейших исследований, посвященных институтам и практикам, которые формируют опыт мигрантов в мировом масштабе. ■

Адреса для связи: <karen.shire@uni-due.de>, <ag0921@wayne.edu> и <agarwala@jhu.edu>

> Социологический вклад в решение проблемы миграции

Рина Агарвала, Университет Джона Хопкинса, США

Обложка книги Рины Агарвалы *The Migration-Development Regime* [Режим миграции-развития], Oxford University Press.

Глобальная миграция является одной из величайших проблем нашего века. Сама по себе эта тема определяет результаты выборов, а мнения людей по этому вопросу разделяют страны, сообщества и даже семьи. Как социология может помочь в решении этой проблемы?

На протяжении десятилетий социологи помогали нам перенаправить наше внимание с отдельных мигрантов на понимание более широких экономических и социальных сил, которые в первую очередь стимулируют внутренние и глобальные миграционные потоки. Понимание этих структурных факторов помогло пролить свет на то, кто мигрирует, как и куда они мигрируют и почему они мигрируют, несмотря на связанные с этим затраты и риски. Например, социологи проанализировали различные «факторы выталкивания», такие как экономическая бедность, вспышки болезней, лишение собственности и насилие, которые побуждают определенные группы населения принимать трудное и зачастую опасное решение покинуть свои дома и близких в регионах отправления. Социологи также выделили различные «факторы притяжения», такие как правовые и институциональные рамки и спрос на

рабочую силу, которые привлекают людей в определенные регионы приема по сравнению с другими. Зная, что люди не являются просто рациональными действующими лицами, социологи также изучили посреднические процессы, такие как этнические сети, культурные сходства и портфели решений на уровне семьи/домохозяйства, которые стимулируют определенные миграционные потоки, даже если они не являются наиболее рентабельными или безопасными.

Но как социологи мы не должны останавливаться на достигнутом. В своей недавней книге *The Migration-Development Regime: How Class Shapes Indian Emigration* [Режим миграции - развития: как класс влияет на эмиграцию из Индии] я предлагаю новую аналитическую модель, которую называю «режимом миграции - развития» (PMR) и которая опирается на социологические инструменты для расширения исследования в трех важных направлениях.

> Кто выигрывает от миграционных режимов?

Во-первых, мы должны использовать наши социологические представления о власти, чтобы выявить тех не-мигрантов, которые *выигрывают* от миграции. Хотя общественные и политические споры вокруг миграции показали, что миграция явно затрагивает гораздо большее число людей, чем те, кто фактически мигрирует, в настоящее время дискуссии, как правило, сосредоточены на связанных с ней издержках. Однако, выделив тех не-мигрантов, кто получает выгоду, и поняв, каким образом они это делают, можно лучше объяснить, почему миграционные потоки продолжают существовать, несмотря на связанные с ними затраты и риски. Выделение этих бенефициаров и выгод может также способствовать увеличению общественной поддержки миграции. Наконец, это может помочь определить, какие именно сферы требуют защиты.

Итак, кто из не-мигрантов получает выгоду от миграции и каким образом? В случае глобальной миграции мы знаем, что за счет дешевой рабочей силы мигрантов в сфере производства часто растет прибыль местных работодателей и повышается их статус по расовому и гендерному признаку. Социологи также помогли выявить, каким образом возрастают расово и гендерно маркированные властные полномочия местных семей, в оплачиваемой и неоплачиваемой репродуктивной сфере в условиях найма мигрантов для ухода за пожилыми родственниками, детьми и даже за собой.

>>

Концепция РМР выделяет еще одного бенефициара, который слишком часто упускается из виду в социологических исследованиях миграции. Это государство. С начала 1900-х годов «миграционные государства» — страны назначения и отправления — контролируют, кто имеет право въезжать в страну или выезжать из нее. И несмотря на растущий интерес к «транснационализму», национальные государства по-прежнему остаются единственными субъектами, обладающими законными полномочиями регулировать, ограничивать и контролировать трансграничное перемещение людей. Такое управление обходится дорого. Так зачем же государства этим занимаются? На примере Индии как страны отправления я показываю, как индийское правительство в течение долго времени последовательно использовало эмиграцию как средство обеспечения экономического роста внутри страны, достижения политической легитимности (на внутреннем и глобальном уровнях) и получения согласия на введение новых норм, привычен и практик. Исследование охватывает огромный исторический период с 1833 года по настоящее время. Так, например, в начале 1900-х годов и в период продвижения демократии в 1970-е годы индийские эмигранты способствовали распространению антиимпериалистического и антирасистского движения. А в последнее время бедные мигранты, которые перемещаются между Индией и странами Персидского залива, транслируют идеалы предпринимательства и самодостаточности и формируют идентичность глобального космополитизма.

Однако важные вопросы остаются без ответа и требуют дальнейших исследований. Все чаще государства одновременно выступают как в роли стран отправления, так и назначения. Как они справляются с этими конкурирующими ролями? Чем отличаются государственные режимы на национальном уровне от режимов на субнациональном уровне и как они могут вступать в конфликт? В связи с этим возникает вопрос, не призывает ли нас концепция РМР отказаться от нынешнего разделения анализа миграции на внутренний и международный уровни?

> Каковы конкретные последствия миграционных режимов?

Во-вторых, выделяя конкретных бенефициаров миграции, мы также можем более точно раскрыть последствия (преднамеренные и непреднамеренные) миграции, что, в свою очередь, позволит лучше определить природу проблем, которые нам необходимо решить.

В случае Индии я использую концепцию РМР, чтобы доказать, что одним из ключевых последствий миграционной политики и практики индийского государства с 1830-х годов по настоящее время стало постоянное усугубление и закрепление классового неравенства между индийскими гражданами. Например, после отмены рабства в 1833 году британский колониальный режим поощрял эмиграцию бедных индийских рабочих для работы в качестве кули (в условиях кабального труда, неформальной занятости и на профессиональных позициях среднего класса). Но с 1900-х годов по настоящее время индийское правительство законодательно ограничивает миграцию бедных граждан за границу, в то время как элита имеет право свободно

перемещаться. Хотя эти ограничения на мобильность были введены во имя протекционизма и национализма, они обеспечили то, что я называю «патерналистской защитой», что, в свою очередь, углубило классовое неравенство в Индии и во всем мире.

Между тем, с 1980-х годов индийское государство позволило своим элитным эмигрантам сформировать то, что я называю «элитным пактом» с лидерами бизнеса и правительства Индии, что, в свою очередь, впервые с 1800-х годов изменило положение Индии в глобальном капиталистическом порядке. Благодаря эмиграционной политике и практике индийского государства, индийские американцы, в частности, стали ключевым транснациональным вектором передачи неолиберальных идеалов и практик приватизации, самодостаточности и добровольчества от элитных кругов США к элите Индии. Это изменило индийский бизнес, организации гражданского общества, образование, здравоохранение, налоговое законодательство и рынок недвижимости, сделав Индию новым типом глобального экономического игрока. [Бывший премьер-министр Великобритании](#) индийского происхождения и индуистского вероисповедания продемонстрировал, как такие транснациональные векторы проникают и в интимную сферу: он женат на гражданке Индии, дочери основателя одной из самых успешных ИТ-компаний Индии.

Но, опять же, остаются важные вопросы, на которые необходимо ответить. Если подход РМР выявляет неравенство по классовому признаку, должен ли он также выявлять последствия миграционных режимов, основанные на кастовой и гендерной принадлежности? Как миграционные государства укрепили эти иерархии с течением времени?

> Как могут меняться миграционные режимы?

Наконец, как социологи, мы хорошо осведомлены о сложных и динамичных взаимоотношениях между структурой и агентностью и знаем, что власть может осуществляться как сверху, так и снизу. Поэтому в рамках РМР миграционное государство концептуализируется не как статичная сущность, а как поле борьбы. Мы полагаем, что, изучая миграции мы должны не только показать, как политические и экономические структуры формируют миграцию сверху, но и показать, как мигранты иногда перестраивают государства и экономические структуры снизу. Таким образом РМР со временем меняются в результате диалектической связи между государствами и мигрантами. В случае Индии в моей книге прослеживается подъем и падение трех различных РМР с 1830-х годов до настоящего времени. Будущие исследования должны проследить исторические изменения, произошедшие в РМР разных стран и субнациональных регионов, и использовать эту историю для прогнозирования альтернативных вариантов будущего.

Социологи на протяжении десятилетий вносят важный вклад в наше понимание глобальной миграции. Но современные вызовы принимают новые обороты, и нашим исследованиям нужен глоток свежего воздуха. Концепция РМР предлагает новый инструмент, который поможет развитию наших исследований. ■

Адрес для связи: agarwala@jhu.edu

> Безопасная и упорядоченная миграция: практики индийского государства

Ашвин Кумар, Корнельский университет, США

Подняв индийский флаг. Фото: Рагу Раджа, на Pexels.

За последние несколько десятилетий было опубликовано множество работ о роли государства в управлении миграцией с целью достижения различных политических целей и целей развития. Особенное внимание уделяется государствам, отправляющим мигрантов. Призыв к безопасной и упорядоченной миграции возникает наряду с [дискуссией](#) о том, как связаны миграция и развитие. Цели устойчивого развития Организации Объединенных Наций 2015 года и Глобальный Договор о Миграции, принятый в 2018 году, определяют парадигму «безопасной, упорядоченной и ответственной» миграции.

В этой статье исследуются реалии этой концепции на практике, а также то, как национальные и субнациональные правительства представляют себе программы, направленные на достижение этих целей, и как реализуют их. В частности, я исследую, как Индия, крупнейший в мире поставщик трудовых мигрантов, представляет себе безопасную и этическую миграцию и предпринимает усилия по распространению навыков, востребованных на рынке потенциальных трудовых мигрантов. Для этого я опираюсь на интервью с организациями работников, а также федеральными и государственными агентствами по профессиональной подготовке и найму в основных регионах, откуда выезжают мигранты, — Дели, Керале и Телангане.

> Перспективы и ограничения «экосистемы миграции квалифицированных кадров» в целях безопасной и упорядоченной миграции

Как утверждает [Рина Агарвала](#), колониальное и постколониальное индийское государство всегда вмешивалось в жизнь мигрантов и взаимодействовало с ними для достижения своих целей в области развития. Одним из основных способов такого вмешательства было обеспечение безопасности мигрантов.

В последнее время индийское правительство пытается продвигать этическую практику найма, предоставляя мигрантам востребованные на рынке навыки и направляя их по официальным каналам, согласованным в двусторонних трудовых соглашениях (ДТС) с принимающими странами. Несмотря на ограниченную силу этих соглашений, они направлены на обеспечение взаимно согласованного набора норм, касающихся безопасных и этических практик найма, а также

>>

заработной платы и защиты труда в странах назначения. По состоянию на февраль 2025 года федеральное правительство Индии, а также правительства некоторых индийских штатов заключили ДТС о квалифицированных мигрантах, с такими странами, как [Германия](#), [Израиль](#) и [Япония](#), допускающими трудовую миграцию представителей широкого спектра профессий и секторов занятости, включая строительство, электротехнические и технические работы, а также здравоохранение. Индийское правительство утверждает, что благодаря этим соглашениям оно также сможет лучше контролировать деятельность частных агентств, которые по-прежнему доминируют на рынке найма, посредством мониторинга и периодического [сотрудничества](#). В дополнение к частным агентствам по развитию навыков в настоящее время к экосистеме «миграции квалифицированных работников» подключились новые участники – [федеральные](#) и [региональные](#) агентства по трудоустройству.

Однако реализация этих программ оказалась сложной задачей для фрагментированной федеративной системы управления миграцией Индии. Федеральные и региональные участники преследуют разные цели и стратегии, а также занимают разные политические позиции, что вызывает конкуренцию и путаницу в процессе реализации. Мои интервью с федеральными и региональными агентствами по развитию трудовых навыков показали, что между ними существует острая конкуренция, поскольку они стремятся превзойти друг друга в борьбе за контракты и институциональное превосходство, а также конкурируют с многочисленными частными агентствами по найму и профессиональной подготовке. Эти обстоятельства препятствуют сотрудничеству и создают путаницу в отношении стандартов подготовки трудовых мигрантов. Например, в то время как недавнее соглашение между Индией и Германией требовало соблюдения строгих стандартов профессиональной подготовки и языкового обучения перед наймом, более давнее соглашение между Индией и Израилем о строительных работах требовало только поверхностного тестирования соискателей рабочих мест.

> Практические аспекты и этика «безопасной» миграции в опасные зоны

Соглашение между Индией и Израилем вызвало большую полемику о том, что представляет собой безопасная и этически корректная трудовая миграция. Когда я спрашивал чиновников о том, насколько безопасно отправлять индийских рабочих в зону активного конфликта, представители федеральных структур и штата Телангана заверяли меня в строгом государственном контроле. Рабочие будут получать хорошую заработную плату за свой труд, а соглашение даже покрывает их питание и проживание. В случае, если рабочие окажутся в опасной ситуации, индийские консульства позаботятся об их потребностях, включая эвакуацию, если это будет необходимо.

С другой стороны, органы штата Керала подвергли сомнению гарантии безопасности и этичности на основе

двустороннего соглашения. В отличие от неоднозначной позиции федерального правительства по отношению к конфликту, премьер-министр штата Керала официально осудил нападение Израиля на Газу в декабре 2023 года. Агентства по найму штата Керала подтвердили, что после заявления премьер-министра они отказались отправлять рабочих в Израиль в рамках этого соглашения. Как заявил один из агентов по найму штата Керала:

«Мы [государственные агентства] должны сосредоточиться на этических аспектах найма трудовых мигрантов в различных странах. Отправка их в зону активных боевых действий противоречит любой этике!»

Неспособность индийского правительства защитить работников проявилась также в практике найма и увольнений. Через несколько месяцев после прибытия первой группы работников в Израиль, согласно результатам [исследования](#), почти 2000 индийских работников были уволены местными израильскими подрядчиками, в результате чего многие из них были депортированы из Израиля. Работодатели сослались на «нехватку навыков» как на причину увольнений. И правительство мало что могло сделать, чтобы исправить эту ситуацию. Этот инцидент выявил несколько трещин в концепции программы, направленной на содействие «безопасной, упорядоченной и ответственной» миграции.

> Голос рабочих

Наконец, помимо федерального правительства и правительств штатов, важное значение имеет и гражданское общество. Традиционно организации рабочих, гражданские группы и транснациональные трудовые сети играют важную роль в защите прав мигрантов. Мои интервью показывают, что по мере расширения государственного управления рабочей силой мигрантов, голос организаций трудовых мигрантов становится менее слышимым. Например, индийские профсоюзы выступили против соглашения Индии с Израилем, аргументируя это тем, что усугубление угнетения палестинцев совершенно неэтично. Однако профсоюзы и другие организации мигрантов подтвердили, что с ними не консультировались при разработке этих соглашений.

Организаторы отметили, что любые шаги, предпринимаемые для обеспечения безопасного и этического найма мигрантов, должны учитывать мнения тех, кто защищает права мигрантов на местах. В контексте глобального усиления контроля на границах, участие правозащитников становится все более важным, особенно на транснациональном уровне. Помимо обучения мигрантов и подбора для них работодателей, для обеспечения безопасной и упорядоченной миграции необходимо более инклюзивное видение обеспечения прав мигрантов. ■

Адрес для связи: ak2398@cornell.edu

> Переосмысление глобальных цепочек ухода: венесуэльские мигрантки в Колумбии

Мария Камила Вега-Салазар, Университет Лос-Андес, Каролина Морено, Университет Лос-Андес, Суэлен Кастибланко-Морено, Университет Ла-Саль, и Хавьер А. Пинеда Д., Университет Лос-Андес (Колумбия)

Палатки поселенцев в лесу с бельем, развешенным над тропой.
Фото: Луна Андраде Аранго, на Pexels.

На рубеже XXI века социолог Арли Хохшилд ввела понятие «глобальных цепочек заботы» — транснациональных сетей женщин, передающих работу по уходу через границы, как правило, из бедных стран в более богатые. Это понятие дало толчок развитию активной научной деятельности по анализу взаимосвязи между гендером, классом и миграцией, с одной стороны, и практиками ухода за другими людьми — с другой. Большая часть литературы сосредоточена на миграции с Юга на Север: женщины из стран Глобального Юга переезжают в более богатые страны, чтобы удовлетворить растущий спрос на услуги ухода. Но что происходит, когда цепочки заботы функционируют в пределах Глобального Юга? Латиноамериканские ученые исследуют именно этот вопрос, выявляя сложные модели миграции и ухода в таких странах, как [Чили](#), [Бразилия](#), [Аргентина](#) и, с недавнего времени, Колумбия.

В этой статье внимание сосредоточено на миграции между странами Глобального Юга на примере венесуэльских женщин, которые с 2015 года массово мигрируют в Колумбию. К концу 2023 года почти 2,9 миллиона венесуэльцев переехали в Колумбию, причем среди них женщин было немного больше, чем мужчин. Многие из этих женщин не только сталкиваются с нестабильной иммиграционной политикой и враждебным рынком труда, но и берут на себя оплачиваемые и неоплачиваемые обязанности по уходу.

Наш основной аргумент заключается в том, что теория глобальной цепочки заботы должна быть пересмотрена с учетом реалий региональных, феминизированных и зачастую циркулярных миграционных потоков в странах Глобального Юга. В этих регионах динамика ухода не всегда соответствуют моделям, которые наблюдаются в более богатых странах.

>>

Например, мигрантки часто путешествуют со своими детьми, образуют многопоколенческие домохозяйства в стране назначения или продолжают ухаживать за своими родственниками. В этих условиях работа по уходу не просто переносится из страны в страну, а перестраивается.

> Уход за людьми в Колумбии: сложная обстановка

Колумбия долгое время страдала от внутренней миграции, вызванной вооруженным конфликтом, что привело к появлению большого числа женщин, работающих в неформальном секторе ухода за людьми и в домашнем хозяйстве. Сейчас страна также является основным местом назначения для международных мигрантов, особенно для венесуэльских женщин.

Первоначально колумбийское правительство реагировало на приток венесуэльцев предоставлением им гуманитарной помощи. Позже оно ввело механизмы легализации, в частности временное разрешение на проживание (ВРП), которое давало доступ к работе и базовым услугам. Однако административная волокита, меняющаяся политическая конъюнктура и сбои правоприменения привели к тому, что многие мигранты остались без документов и подвергаются трудовой эксплуатации.

Это особенно характерно для сферы ухода. Используя данные официального обследования домохозяйств Колумбии (GEIH), мы обнаружили, что, несмотря на относительно высокий уровень образования, венесуэльские женщины преобладают в низкооплачиваемых неформальных секторах, таких как гостиничный бизнес, общественное питание и розничная торговля. Удивительно, но домашний труд не является основным сектором трудоустройства для этих женщин. Рынок домашнего труда в основном пополняют внутренние мигранты - [перемещенные колумбийские женщины](#). Таким образом внутренние конфликты в Колумбии сформировали ее собственный рынок труда в сфере ухода.

Венесуэльские женщины, работающие в качестве домашнего персонала, как правило, моложе и более образованы, чем их колумбийские коллеги, однако они чаще сталкиваются с неформальной занятостью и лишены социальной защиты. Например, в 2023 году 40 % венесуэльских домашних работниц не имели медицинской страховки, и только 7 % были застрахованы в пенсионных системах, несмотря на полную занятость. У большинства из них есть только устные трудовые договоры, что еще больше усугубляет их неустойчивое положение.

> Кроме цифр: феминистская критика

Наше исследование призывает к развитию междисциплинарного подхода к анализу работы по уходу. Гендер — не единственная переменная, которая играет роль в определении практик оплачиваемой заботы. Национальность, правовой статус, раса, возраст и образование — все эти факторы взаимосвязаны и определяют, как распределяются обязанности по уходу и заботе, и кто оказывается исключенным из этого рынка труда.

Случай Венесуэлы также поднимает вопросы об устойчивости текущей миграционной и трудовой политики. Переход Колумбии от гуманитарной помощи к «социально-экономической интеграции» трудовых мигрантов еще не реализовался в виде значимых мер защиты или возможностей для приезжих работников. Совсем недавно политические изменения привели к призывам к добровольному возвращению в Венесуэлу, несмотря на продолжающуюся нестабильность в этой стране.

Мы считаем, что вместо того, чтобы полагаться на временные разрешения и политическую волю, такие страны, как Колумбия, нуждаются в устойчивой, постоянной миграционной политике, которая признает ценность работы по уходу и гарантирует права тех, кто ее выполняет, независимо от их гражданского статуса.

> Переосмысление цепочек заботы в странах Глобального Юга

Это исследование дополняет растущий объем латиноамериканских научных работ, которые ставят под сомнение европоцентричные модели миграции работников сферы ухода. Вместо того чтобы предполагать односторонний поток рабочей силы с Юга на Север, мы должны признать динамичную, многослойную реальность ухода в региональном контексте. В Колумбии уход за больными и престарелыми как экспортируется, так и импортируется. В то время как многие колумбийцы покинули свою страну и стали трудовыми мигрантами, эта страна также принимает большой приток работников по уходу из-за рубежа.

Кроме того, уход за больными и престарелыми в странах Глобального Юга часто определяется перемещением населения, неравенством и игнорированием со стороны государства. Это не просто вопрос занятости, но и вопрос выживания и солидарности женщин. Уход за больными и престарелыми осуществляется через неформальные сети, семейные договоренности и общинные стратегии, часто без государственной поддержки.

Венесуэльские женщины в Колумбии переопределяют, что значит быть мигранткой и работницей сферы ухода. Их опыт бросает вызов упрощенным моделям глобальных цепочек заботы и ухода и предлагает нам рассматривать уход не только как труд, но и как арену политической борьбы и социальных преобразований. Документируя эти реалии, наше исследование призывает к более обоснованной и инклюзивной социологии миграции и заботы, которая фокусируется на голосах и действиях женщин, живущих в постоянном перемещении. ■

Адреса для связи:
[<mc.vega611@uniandes.edu.co>](mailto:mc.vega611@uniandes.edu.co)
[<camoreno@uniandes.edu.co>](mailto:camoreno@uniandes.edu.co)
[<secastiblanco@unisalle.edu.co>](mailto:secastiblanco@unisalle.edu.co)
[<jpineda@uniandes.edu.co>](mailto:jpineda@uniandes.edu.co)

> «Мобильный девелопментализм» Миграции работников сферы ухода в Китае и Сингапуре

Лин Ю Лин Нг, Йоркский университет и Юньхуэй Йе, Университет Виктории (Канада)

Выходной домашних работниц. Фото: Рекс Пе, на Creative Commons CC BY 2.0.

Пандемия COVID-19 вновь привлекла внимание к работе в сфере ухода и заботы и нашей глобальной зависимости от мигрантов, работающих в качестве домашнего персонала. Однако, несмотря на общие трудности, опыт этих работников редко анализируется в сравнительной перспективе. Научные исследования в этой области в Восточной Азии, Европе и даже в таких крупных странах, как Китай и Индия, набирают обороты, но по-прежнему остаются относительно маргинальными в контексте фундаментальных научных исследований. Мы участвуем в этой важной дискуссии, сопоставляя случаи домашних работников по уходу (ДРУ) в Китае и иностранных домашних работников (ИДР) в Сингапуре, чтобы показать, как схожие стратегии экономического развития приводят к параллельным формам эксплуатации.

> Устаревшие модели считают сельскую/традиционную жизнь более «отсталой», а городскую/современную — «более развитой»

В нашей статье «Схожие, но различные: миграция работников сферы ухода в Китае и Сингапуре», которая будет опубликована в ближайшем специальном выпуске журнала *Work Organisation, Labour and Globalisation* под названием «Пространства домашнего хозяйства», мы опираемся

на исследования в области феминистской политической экономики и онлайн-этнографические исследования, чтобы сравнить опыт домашних работников в разных странах и выявить общие модели эксплуатации, укорененные в идеологиях развития. Мы иллюстрируем обстоятельства того, что мы называем «мобильным девелопментализмом»: линейные и поэтапные идеологии развития, которые, следуя популярной теории модернизации, конструируют превосходство сельских/традиционных людей над городскими/современными и наоборот.

Мобильность мигрантов определяется следующими социальными иерархиями. В Китае сельские домашние работники подвергаются дискриминации на основании более низкого *суцзи* (статуса человека). В Сингапуре иностранные домашние работники считаются выходцами из «менее развитых» частей Азии. Обе группы мигранток подвергаются колониальному цивилизационному ранжированию, типичному для «мобильного девелопментализма», при котором одним люди считаются по своей сути более «современными» или «развитыми», чем другие.

> Интерпретация кризиса в сфере ухода и заботы

Государства используют стратегии развития, чтобы оправдать ущемление прав женщин и оправдать девалоризацию их труда по уходу и заботе. Национальные цели экономической модернизации и «роста благосостояния» страны являются важной, но не единственной частью картины. Существует богатая феминистская политико-экономическая литература о том, как работа по уходу систематически недооценивается. Независимо от того, выполняется ли эта работа сельскими жителями Китая или азиатскими мигрантами, она становится невидимой и подвергается эксплуатации из-за гендерных идеологий, которые представляют женщин с другим цветом кожи как особенно подходящих для обслуживания других людей. Такое положение дел отражает более широкую глобальную неспособность адекватно оценивать работу по уходу. Уход и забота рассматриваются как «естественный долг» женщин: не истощаемый свободно доступный ресурс, мотивированный «любовью», а не заслуживающий справедливого вознаграждения.

>>

> Понятие «суцзи» (статус человека) и «менее развитая» Азия

Китайская система хукоу (регистрация по месту жительства, прописка), созданная в 1950-х годах, создает институциональную сегрегацию между сельскими и городскими районами. Сельские мигранты могут работать в городах, но не имеют доступа к городским льготам, таким как здравоохранение, образование для своих детей или социальное обеспечение. Дискурс о суцзи усиливает эту ситуацию, изображая сельских жителей как «низкокачественных»: нецивилизованных и препятствующих модернизации Китая.

Одна из домашних работниц смело бросила вызов этой ситуации, когда ее работодатель отказал дать ей выходной в Новый год, спросив: «Как баому (уничижительное название для домашней работницы), какое право ты имеешь просить выходной в государственный праздник?» Она ответила: «Разве баому не являются гражданами Китая? Если да, то они имеют право на установленные законом праздники». Ее неповиновение стоило ей работы.

В Сингапуре иностранные домашние работники сталкиваются с расовой дискриминацией как женщины из «менее развитых» азиатских стран. На сайтах по найму публикуются их фотографии, личные данные и «навыки», как товары для сравнительного шоппинга. Обязательная государственная политика проживания в доме работодателя и система спонсирования работодателей (аналогичная системе кафала) создают отношения зависимости, при которых работники не могут легко сменить работодателя, даже сталкиваясь с его жестоким обращением.

Китайские мобильные работники перемещаются в пределах своей страны. Их коллеги в Сингапуре являются иностранными гражданами, пересекающими международные границы. При этом обе группы сталкиваются с похожими проблемами – правовой уязвимостью и угрозой эксплуатации.

Правовая уязвимость. В Китае более 90 % домашних работников не имеют официальных трудовых договоров, поскольку в качестве работодателей признаются только компании, а не домохозяйства. Аналогичным образом, хотя иностранные домашние работники в Сингапуре заключают трудовые договоры с работодателями, они классифицируются как временные «гастарбайтеры», имеющие право на визу самой низкой категории, которую нужно продлевать каждые два года.

Эксплуатация проживающих в семье работников. Представители обеих категорий домашних работников, как правило, проживают в семьях работодателей, что создает ожидание их круглосуточной доступности. Одна иностранная домашняя работница в Сингапуре поделилась: «Я просыпаюсь в 4 утра, чтобы приготовить завтрак [...] Мой отдых начинается между 23:00 и 24:00, в зависимости от того, когда они приходят с работы». В стихотворении китайской домашней работницы по

уходу за больными читаем: «К тому времени, когда моя голова касается подушки, уже одиннадцать. Измученная, вспотевшая, я лежу в постели и думаю о доме».

Негуманное обращение. Обе группы сталкиваются с высокомерным отношением, укорененным в идеологии развития (девелопментализм). Китайские работодатели критикуют домашних работников за «нестандартный мандаринский диалект» и заставляют их практиковаться в «правильной» речи. Сингапурские работодатели считают, что иностранные домашние работники нуждаются в «дисциплине», чтобы приспособиться к городской жизни, и критикуют их гигиенические навыки, незнание современных бытовых приборов и «непринужденный» сельский образ жизни.

> Эксплуатация в частном пространстве и идеологии развития воспроизводят отношение к мигрантам, работающим в сфере ухода, как к людям, менее достойным уважения и защиты

Наше сравнительное исследование фокусирует внимание на национальном аспекте международной миграции. Как внутренняя миграция (Китай), так и международная миграция (Сингапур) отражают идеологии развития в разных масштабах и контекстах. Обе создают то, что можно назвать «пространством домашнего хозяйства»: частное пространство, где эксплуатация процветает вне поля зрения общественности и трудового законодательства. Глобальные стратегии развития создают локальные иерархии, которые оправдывают отношение к определенным группам населения как к одноразовой рабочей силе. Независимо от того, оправдывается ли это разрывом в развитии между сельскими и городскими районами или между странами, результат один: уход за детьми и пожилыми людьми становится товаром, который используется для поддержки социального воспроизводства других семей.

Понимание мобильного девелопментализма помогает нам увидеть связи между, казалось бы, разными ситуациями. Китайские домашние работники, борющиеся за базовые трудовые права, и иностранные домашние работники в Сингапуре, организующиеся в борьбе за справедливое обращение, сталкиваются со сходными проблемами, коренящимися в идеологиях развития, которые позиционируют их как менее достойных уважения и защиты.

В конечном итоге, коллективное признание этих параллелей открывает возможности транснациональной солидарности и обучения в различных контекстах. Обе группы женщин демонстрируют замечательную стойкость, используя онлайн-пространства для обмена опытом, оказания взаимной поддержки и документирования случаев несправедливости. Их голоса бросают вызов преобладающему в обществе эксплуатации и пренебрежительному отношению к заботе и уходу за другими людьми и требуют признания их полноценной человечности. ■

Адреса для связи: <lynnngyl@yorku.ca>, <yunhuiye@uvic.ca>

> Особая привлекательность Дубая для незападных экспатриантов

Анжу Мэри Пол, Мустафа Яваш и Седжин Парк, Нью-Йоркский университет в Абу-Даби, ОАЭ

С момента публикации классической работы Саски Сассен, в которой Нью-Йорк, Лондон и Токио были описаны как глобальные города, другие глобальные города были определены и ранжированы в основном по экономическим критериям. Являясь узлами корпоративной глобализации, глобальные города являются местами расположения офисов ведущих транснациональных корпораций, которыми управляют высококвалифицированные мигранты. Поскольку эти города соревнуются за эти кадры, аналитики, которые их оценивают и ранжируют, и даже политики, которые пытаются их продвигать, склонны использовать универсальные критерии, как будто все экспатрианты подходят под один шаблон, стремясь только к высоким доходам, комфортному образу жизни и большей безопасности. Даже культурное значение глобальных городов оценивается по количеству музеев и достопримечательностей, которые они имеют.

Зададимся вопросом, существуют ли дополнительные «отличительные» аспекты глобального города, которые могут повысить его привлекательность для определенных подгрупп высококвалифицированных мигрантов. Чтобы ответить на этот вопрос, мы рассмотрим случай Дубая, который быстро поднялся в рейтинге глобальных городов. Опираясь на опросы и глубинные интервью с незападными мигрантами-специалистами, проживающими в Дубае, мы обнаружили, что этот город обладает особой привлекательностью как глобальный центр и «местный» город для экспатриантов из Южной Азии, Ближнего Востока и Северной Африки (MENA).

Как типичный глобальный город, Дубай предлагает (1) повышенные экономические выгоды, (2) более высокий уровень жизни и (3) большую безопасность, что мигранты часто ассоциируют с конструированной категорией «Глобальный Север». При этом Дубай также предлагает этим мигрантам «местные» преимущества: (4) географическую близость к их странам происхождения, (5) культурную близость, учитывая большую и давнюю мигрантскую популяцию из этих регионов, и, наконец, (6) большую терпимость к специфической религиозной и расовой идентичности этих мигрантов.

> Справка о Дубае

Дубай с населением 3,5 миллиона человек является крупнейшим городом Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ). За последние два десятилетия Дубай быстро превратился в предпочтительное место для размещения региональных штаб-квартир транснациональных корпораций, работающих в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Город

гордится тем, что является самым благоприятным для бизнеса и либеральным центром на Ближнем Востоке, и постоянно получает высокие оценки за общественную безопасность, доверие к правительству и удобства для проживания — некоторые из стандартных критериев, используемых для ранжирования городов по уровню благоприятности для экспатриантов.

Между тем Дубай (и остальные ОАЭ) по-прежнему в значительной степени зависит от мигрантов для поддержания экономического роста. В 2023 году 92% населения Дубая составляли неэмиратцы. Хотя в общественном сознании экспатрианты в Дубае ассоциируются с западными людьми, на самом деле гораздо больше из них родом из Южной Азии и стран Ближнего Востока и Северной Африки (стран MENA).

> Другой тип экспатриантов

Чтобы оценить относительную привлекательность Дубая, мы провели опрос и интервью с высококвалифицированными мигрантами из трех регионов мира, непосредственно окружающих ОАЭ (Южная Азия, Ближний Восток и Северная Африка, а также Африка к югу от Сахары). Мы рассматривали страны Северной Африки в составе Ближнего Востока отдельно от остальной Африки, поскольку жители этих стран говорят на арабском языке и считаются этническими арабами.

Данные нашего опроса показали, что все три группы респондентов имели сильное желание переехать в ОАЭ до своей миграции (в среднем 3,68 по 5-балльной шкале от 1 до 5). Однако респонденты из Южной Азии и стран MENA выразили гораздо более сильное желание остаться в ОАЭ по сравнению с мигрантами из стран Африки к югу от Сахары (3,35 против 2,71). Это расхождение было связано с разным уровнем удовлетворенности трех групп, опрошенных при сравнении их жизни в ОАЭ с жизнью в их стране происхождения.

В то время как респонденты из Южной Азии и стран MENA отметили значительные улучшения по прибытии в ОАЭ в трех ключевых областях — карьера, уровень жизни и знакомство с культурой — респонденты из стран Африки южнее Сахары сообщили о значительном улучшении только в области работы и уровня жизни, но не в области знакомства с культурой, что объясняется меньшим размером африканских сообществ южнее Сахары. В результате респонденты из стран Африки к югу от Сахары были более заинтересованы в переезде из ОАЭ в третью страну по сравнению с двумя другими группами.

>>

Источник: Анжу Мэри Пол, Мустафа Яваш и Седжин Парк.

> Преимущества Дубая в области экономики, образа жизни и безопасности

46 глубинных интервью с глобально мобильными профессионалами, которые проживали за пределами своей страны перед приездом в Дубай, помогли раскрыть эти разные точки зрения. Все три группы подчеркнули экономические преимущества, комфортный образ жизни и большую безопасность, которыми они наслаждались в Дубае. Эти преимущества применимы ко всем квалифицированным мигрантам, работающим в качестве экспатриантов в ОАЭ, независимо от их страны происхождения. Финансовые преимущества, которые Дубай предоставляет экспатриантам-специалистам, иногда могут даже превышать их доход от сопоставимых должностей в западных странах, отчасти благодаря низкому налогу на добавленную стоимость в ОАЭ и отсутствию подоходного налога с физических лиц.

Респонденты подчеркнули высокий уровень жизни в Дубае, включая хорошо обслуживаемую общественную инфраструктуру и ощущение большей общественной безопасности. Кроме того, они подчеркнули легкий доступ к недорогой рабочей силе благодаря большому количеству низкооплачиваемых трудовых мигрантов из Азии и Африки, которые также приезжают в ОАЭ в поисках работы в сфере ухода и обслуживания. Эти характеристики свидетельствуют о подлинности статуса Дубая как «глобального города», в котором значительное количество мигрантов присутствует как в верхнем, так и в нижнем сегментах рынка труда.

> Дубай как лучший из двух миров

Учитывая давнее проживание в ОАЭ мигрантов, представителей среднего класса из этих двух регионов, и развитие различных культурных и социальных институтов, связанных с этими сообществами, экспатрианты из Южной Азии и стран MENA часто отмечали культурную близость Дубая, упоминая различные удобства (от мечетей до супермаркетов и ресторанов, предлагающих халяльные и этнические блюда, до школ, где преподают по национальной программе), которые помогают им чувствовать себя в Дубае «как дома».

Наконец, эти респонденты говорили о большей терпимости к их религиозной и расовой идентичности, чего им часто не хватало в глобальных городах Севера. Напротив, респонденты из стран Африки к югу от Сахары чаще говорили о расовой дискриминации в ОАЭ или просто об одиночестве из-за отсутствия большой общины соотечественников с таким же социальным статусом.

В целом, наши выводы подчеркивают необходимость при исследовании глобальных/мировых городов учитывать разнообразие квалифицированных мигрантов в этих городах, а не предполагать наличие универсального экспатрианта. Следует в большей степени признавать социальные и культурные особенности городов, выходящие за рамки поверхностных представлений о космополитизме, чтобы избранные группы мигрантов чувствовали себя за границей «как дома». ■

Адреса для связи: <anju.paul@nyu.edu>, <mustafa.yavas@nyu.edu>, <sejin.park@nyu.edu>

> Китайские мигранты в сфере образования: в своей стране, за рубежом и по возвращении

Фэн Сю, Университет Виктории, Канада

43

Гаокао. Источник: Hubei Daily, доступно по ссылке: http://m.cnhubei.com/content/2019-06/08/content_10844871.html.

Многие молодые китайские мигранты стремятся к социальной мобильности для получения лучшего образования. В этом исследовании рассматриваются внутренние и международные мигранты в сфере образования, а также «возвращенцы». Исследование акцентирует внимание на их жизненном опыте, достижении статуса местного жителя: хукоу (прописка) в Шанхае или Пекине и постоянного резидента (ПР) в Канаде. Хотя канадское гражданство может быть функционально ближе к хукоу, чем к ПР, гражданство практически не фигурировало в ответах моих респондентов. Право голосования не упоминалось, т.к. канадское гражданство лишь усложняет посещение Китая или возвращение в будущем.

С 2024 по 2025 год я проинтервьюировал двенадцать китайских образовательных мигрантов в Британской Колумбии (Канада), и пятнадцать в Пекине и Шанхае (Китай). Большинство из них родились в 1990-х годах;

>>

Количество китайских образовательных мигрантов за границей в 2000-2022гг.

Данные Центра Китая и глобализации, адаптированы из исследования “Развитие китайского студенчества за границей (2023-2024)”.
 Доступны по ссылке <https://web.archive.org/web/20240514045418/http://www.ccg.org.cn/archives/84327>.

некоторые состоят в браке; большинство из них женщины; все были трудоустроены или искали работу.

Почему эти группы были объединены в одном исследовании? Во-первых, «граничные практики» включения и исключения имеют место как на национальных границах, так и внутри национальных территорий. Во-вторых, опыт внутренней и международной миграции пересекается. И, наконец, связь между образованием и социальной мобильностью в обоих случаях нельзя назвать линейной.

> Гибкий переплетающийся опыт мигрантов

Мои интервью показали, что жесткое противопоставление мигрантов «дома» и «за границей» не соответствует реальности. Все, кроме трех «внутренних мигрантов», имели опыт обучения за границей, после которого они вернулись в страну, но никто из них не вернулся в свой родной город. Между тем, несколько «возвращенцев» в Пекине или Шанхае также считали свои нынешние места проживания и работы временными, хотя все они считали эти города космополитичными, развитыми и привлекательными для жизни оазисами.

Большинство опрошенных в Канаде хотели остаться в этой стране, но даже те из них, кто имел постоянное место жительства, ездили в Китай навестить родственников и друзей, а некоторые активно планировали окончательное возвращение, когда их родители состарятся. (Недавнее исследование показало, что в глобальном масштабе более 80% участников образовательной миграции возвращаются). В целом, опыт образовательных мигрантов

оказался временным, изменчивым, пересекающимся и хаотичным.

> Пространственное неравенство и мобильность в сфере образования

Мои респонденты выросли в гипермобильном Китае эпохи реформ. Пространственная мобильность, поддерживающая их стремления, отражает резкое географическое неравенство. Она зависит от либерализации политики в отношении хукоу и паспортов в Китае, открытой политики привлечения талантов со стороны правительств принимающих стран, а также от усовершенствованного и более дешевого транспорта и средств связи (скоростные поезда, авиаперелеты, социальные сети).

По мере перемещения этих образовательных мигрантов, общее миграционное давление часто меняло их родные города. Деиндустриализация на северо-востоке Китая привела к закрытию заводов и вынужденной миграции. Урбанизация, стимулируемая рынком и государством, коренным образом изменила социальную структуру в других регионах. Трудовые мигранты часто строят новые дома для родственников, оставшихся на родине. Родные города запоминаются как места с более плотными социальными связями, и одновременно как места, которые остались в прошлом.

Предпочтения в пользу Пекина и Шанхая, вероятно, были сформированы критериями отбора участников исследования, но они не вызывают удивления. Жители Шанхая или Пекина, имеющие прописку, имеют более

легкий доступ к лучшим университетам в своей стране. Напротив, мигранты из сельских районов или небольших городов, такие как мои респонденты, переезжали и часто жили в интернатах, как правило, как минимум до окончания средней школы.

Подготовка к гаокао (национальному вступительному экзамену в вуз) была всепоглощающей; она требовала огромной невидимой и недооцененной поддержки со стороны оплачиваемых репетиторов в интернатах и родителей, в основном, матерей. Те, кто не жил в интернате, могли снимать жилье рядом со школой, где жили с родителями или платными опекунами, но все равно проводили большую часть времени в школе. Таким образом, учащиеся средних школ, которые приехали учиться из сельской местности, в течение многих лет были относительно немобильны. Поэтому поступление в один из лучших университетов Пекина или Шанхая уже было успехом.

Многие респонденты из Канады также начали свою образовательную миграцию в средней школе, что соответствует траектории внутренних мигрантов в Китае. Однако, в отличие от престижа, связанного с поступлением в один из лучших университетов Пекина или Шанхая, поступление в канадский университет является гораздо менее явным признаком успеха. Многие студенты четырехлетних программ либо плохо сдали гаокао, либо хотели его избежать. Только семьи среднего класса или богатые семьи могут позволить себе полную оплату обучения в Британской Колумбии (Канада). Поэтому более бедные студенты из Британской Колумбии часто работают и учатся одновременно. Моих респондентов привели в Канаду цена и потенциал иммиграции. Поэтому, помимо повышения социального статуса, респонденты часто называли личностное развитие в качестве причины миграции в Канаду.

> Граничные практики и стратегии получения статуса постоянного местожительства

Низкоквалифицированные трудовые мигранты в Китае не имеют таких же надежд на социальную мобильность, как мигранты, получившие образование. Местные власти в Китае заинтересованы в дешевой рабочей силе, но не в росте числа граждан, имеющих постоянную прописку (хукоу). Хотя сегодня наличие хукоу уже не так важно, оно по-прежнему гарантирует реализацию некоторых ключевых прав, в том числе право на образование для будущих детей.

Хотя успешные образовательные мигранты пользуются относительно привилегированным путем к получению местного хукоу, они по-прежнему сталкиваются с множеством препятствий в ведущих китайских университетах и городах. Даже когда они достигают успеха, обладатели хукоу из больших городов насмехаются над навыками и высокими результатами экзаменов мигрантов, которые добились успеха.

В отличие от образовательных мигрантов в Канаде, китайские образовательные мигранты после окончания

учебы могут легально оставаться в Пекине или Шанхае, не имея местного хукоу. Им нужно только найти работу и жилье. Интересно, что поскольку доступ к пекинскому хукоу предоставляется только государственным служащим, он не является приоритетом для тех, кто стремится устроиться на работу в частном секторе. В отличие от низкоквалифицированных мигрантов, они знают, что только хорошая работа в частном секторе, а не хукоу, обеспечит им частную медицинскую страховку и достойную пенсию. Статус местного хукоу важен в основном для мигрантов-выпускников с детьми, а у многих моих респондентов были другие планы.

Для китайских мигрантов, прибывших в Канаду с целью получения образования, вид на жительство имеет решающее значение для любого долгосрочного пребывания, будь то в целях трудоустройства, создания семейных отношений или спасения от сексуализированного насилия. На бумаге «иностранные студенты» действительно имеют возможность получить постоянный вид на жительство в рамках Канадской программы международной мобильности. Однако реальный опыт прохождения этого пути оказался сложным. Частые изменения в канадской системе баллов и недавнее сокращение приема могут поставить под угрозу тщательно разработанные планы получения постоянного места жительства. Кроме того, чтобы заработать дополнительные баллы, увеличивающие шансы получить право на ПМЖ, респонденты часто работали на местных, низкоквалифицированных и нестабильных работах. В период между окончанием учебы и получением приглашения на подачу заявления на постоянное проживание первоначальный опыт работы в Канаде также может иметь решающее значение для последующего получения более надежной работы. Все респонденты, за исключением одного, нашли свою первую работу на местных предприятиях, принадлежащих китайцам, и лишь немногие из них имеют канадский опыт работы. Некоторые из работодателей сами являются недавними мигрантами. Обычные рабочие места включают специализированные услуги для местной китайской общины, в том числе образовательные и иммиграционные услуги для студентов или работу в ресторанах.

> Заключение

Исследования международной и внутренней миграции имеют отношение к опыту мигрантов в сфере образования. Согласно результатам исследований, национальные границы и совмещение обучения и работы не являются основным препятствием для мигрантов, включенных в отношения неравенства. Крайне значимо влияние китайской системы хукоу, которая разделяет сельские и городские районы, города и поселки, имеющие разный статус, а также низкоквалифицированных работников и работников с высшим образованием. Постоянное проживание (а не гражданство) в Канаде приводит образовательных мигрантов к нестабильной занятости, обычно на предприятиях соотечественников. Кроме того, нестабильные правила игры усложняют их стратегии получения стабильного статуса проживания. ■

Адрес для связи: <fengxu@uvic.ca>

> Камбоджийские мигранты в швейной промышленности: прекарность и протесты

Цз Чун Лай и Какстон Сю, Гонконгский баптистский университет, Гонконг

Камбоджийские сельские рабочие-мигранты на обучающей сессии по трудовым правам. Фото Какстона Сю.

9 марта 2024 года около 600 камбоджийских мигрантов из сельских районов, работающие на китайской швейной фабрике Y&W Garment Company, прошли маршем к Министерству труда и профессионального образования. Они подали петицию с требованием выплат задолженности по заработной плате и льготам после того, как владелец компании внезапно объявил о банкротстве, оставив их без зарплаты за последний месяц. Позже в тот же день министерство опубликовало Постановление, призывающее работников, юридических представителей, местные профсоюзы и другие заинтересованные стороны немедленно прекратить протест, обвинив их в создании пробок и препятствий для движения транспорта. Министерство посоветовало работникам добиваться возмещения ущерба через юридические каналы, подчеркнув важность «поддержания общественного порядка и защиты интересов широкой общественности».

Внезапное банкротство компании Y&W Garment Co. Ltd. и связанная с ним задержка выплаты заработной платы ярко иллюстрируют прекарные условия, в которых находятся мигранты из сельских районов Камбоджи, работающие на

швейных фабриках, в условиях меняющейся ситуации с иностранными инвестициями. В то же время коллективный протест рабочих не только показывает их уязвимость, но и демонстрирует их способность мобилизоваться и отстаивать свои права в условиях растущей эксплуатации и отсутствия гарантий безопасности. Быстрое расширение китайских фабрик в сочетании с такими актами сопротивления рабочих ставит перед социологами актуальные вопросы: какова текущая ситуация камбоджийских мигрантов из сельских районов, занятых в швейной промышленности, в условиях подавляющего присутствия китайского капитала? Как рабочие реагируют на трудности, связанные с плохими условиями труда и экономической неопределенностью? Какова позиция камбоджийского правительства в этой ситуации?

> Многомерная прекарность положения работников

При анализе текущего положения мигрантов из сельских районов Камбоджи, занятых в швейной промышленности, становится очевидной многогранность и взаимосвязь различных форм прекарности их положения. На основании

>>

проведенного нами опроса 86 работников из 28 швейных фабрик, проведенного в 2023-2024 года становится очевидным, что эти работники сталкиваются с острой нестабильностью занятости, имея зарплату на уровне прожиточного минимума (204 доллара США в месяц), в условиях широкого распространения краткосрочных контрактов (66% контрактов заключаются на срок до шести месяцев) и повсеместной возрастной дискриминации – работники старше 40 лет особенно подвержены увольнению и исключению. Фабрики регулярно применяют ротационные отстранения от работы, выплачивая работникам всего 40 долларов США в месяц в периоды нехватки заказов, что ведет к постоянному циклу финансовой нестабильности и неопределенности. Глубокая интеграция отрасли в глобальные цепочки создания стоимости, определяемые покупателями, позволяет международным брендам перекладывать риски колебаний спроса и производства на самых уязвимых: самих работников.

Прекарность выходит далеко за пределы заводских ворот, определяя миграционные потоки и стратегии выживания домохозяйств. Значительная часть работников (77%) – это мигранты из сельских районов. Для выживания им необходим двойной доход: 75% супружеских пар проживают вместе в Пномпене, однако базовые расходы на проживание (300 долларов США в месяц на двоих) превышают типичную заработную плату. Чтобы справиться с этой ситуацией, многие семьи оставляют детей в своих родных деревнях (37%), полагаясь на бабушек и дедушек в вопросах ухода за детьми, а в кризисные времена – на обратные денежные переводы; 31% работников получают поддержку от сельских семей. Долги широко распространены и являются непосильной ношей (средняя сумма: 4250 долларов США). Часто за долги закладывают свои земельные наделы, что подрывает долгосрочную безопасность работников и закрепляет циклы недоедания и межпоколенческой бедности, поскольку заработная плата постоянно не покрывает даже самые базовые потребности. Эти долги возникли в результате неполной занятости в период Covid-19, когда работники с трудом сводили концы с концами в условиях высокой стоимости жизни в Пномпене. Кроме того, некоторые сельские мигранты берут в долг деньги на покупку мотоциклов и топлива для поездок между сельскими и городскими районами, особенно те, кто оставляет своих детей и пожилых родственников в родных деревнях.

> Авторитарный капитализм и реакция камбоджийского государства

Реакция правительства на протест Y&W иллюстрирует авторитарный поворот в трудовых отношениях в Камбодже. Охарактеризовав демонстрацию как угрозу общественному порядку, государство сигнализирует об ужесточении контроля над рабочим движением, что соответствует региональной тенденции авторитарного капитализма. При этом режиме государство выдвигает в качестве приоритетов экономический рост и иностранные инвестиции, а трудовыми правами и демократическим участием пренебрегает.

Хотя камбоджийские сельские мигранты имеют историю коллективного сопротивления, пространство их действий резко сократилось. По данным Better Factories Cambodia, количество забастовок резко сократилось с 147 в 2013 году до всего 9 в августе 2018 года, а количество потерянных рабочих дней сократилось с почти 889 000 до 42 000.

Число трудовых споров, переданных на рассмотрение Арбитражного совета, сократилось с 248 в 2016 году до 50 в 2017 году. Эти цифры не свидетельствуют об улучшении трудовых отношений, а фиксируют рост систематического государственного подавления протестов: арест лидеров профсоюзов, запугивание активистов и кооптации профсоюзов в качестве союзников правительства, особенно после выборов 2013 года.

Правовая база организации профсоюзов постепенно разрушается, а независимые механизмы разрешения споров становятся все более редкими. Риторика правительства, подчеркивающая «общественный порядок» и «интересы общества», служит для затуманивания более глубокой реальности: интересы капитала, как отечественного, так и иностранного, ставятся выше благосостояния и прав работников.

> Прекарность и возможность сопротивления

Протесты в компании Y&W Garment дают яркое представление о многогранной прекарности и ограниченных возможностях камбоджийских сельских мигрантов, работающих в швейной промышленности, в условиях авторитарного капитализма. Хотя китайские инвестиции стимулировали экономический рост и создание рабочих мест, они также укрепили систему, в которой риски и неуверенность в завтрашнем дне почти полностью ложатся на плечи работников. По состоянию на октябрь 2024 года китайский капитал владеет примерно 54,7% из 2236 промышленных предприятий Камбоджи, что представляет собой впечатляющие инвестиции в размере 9,086 млрд долларов США. Наиболее поразительно то, что китайские инвесторы в настоящее время контролируют около 90% всех швейных фабрик Камбоджи.

Этот резкий сдвиг иллюстрирует эволюцию Китая от «мировой фабрики» до ведущего глобального инвестора. Рост затрат на рабочую силу внутри страны побуждает китайские компании переносить производство в такие страны, как Камбоджа, где низкие заработные платы создают явное конкурентное преимущество. Доминирование китайского капитала в ключевых отраслях Камбоджи вынуждает камбоджийское государство приспосабливаться к интересам капитала. Эта приспособленность, проявляющаяся в подавлении профсоюзной деятельности и акценте на «общественном порядке», еще больше сузила пространство коллективных переговоров и изменений, инициируемых работниками.

Тем не менее, камбоджийские сельские мигранты упорно продолжают сопротивляться. Их готовность протестовать, опора на семейные и общинные сети, а также постоянная борьба за справедливую заработную плату и достойные условия труда свидетельствуют о сильном духе сопротивления. Путь вперед потребует новых форм солидарности и защиты для противодействия усугубляющейся нестабильности, навязываемой глобальным капиталом и авторитарным правлением как внутри Камбоджи, так и за ее пределами. Случай Камбоджи напоминает о том, что будущее трудящихся в глобализованном мире будет определяться упорной борьбой между потребностями капитала и наемными работниками, стремящимися добиться достоинства, безопасности и справедливости в условиях своего труда. ■
Адреса для связи: <22482261@life.hkbu.edu.hk>, <kaxton_siu@hkbu.edu.hk>

> Война в связке с накоплением: случай Газы

Гильерме Лейте Гонсалвес, Государственный университет Рио-де-Жанейро, Бразилия

Рис.: Маркус Винклер, на Pexels.

Исследователи права разрабатывают новые модели войны в современном обществе. Так, например, Тошики Могами (см. [сборник](#) под ред. Масато Ниномия) показывает, что современная война включает три взаимосвязанных аспекта: государственное возмездие за нанесенный ущерб, геноцид и колониализм. Эти процессы можно переосмыслить в конкретных условиях капиталистического развития, когда в контексте финансиализации, чрезмерное накопление богатства, ориентированное на возрастание доходов в будущем, усиливает необходимость открытия новых рынков. Такая точка зрения опирается на идеи Карла Маркса, Розы Люксембург и Ханны Арендт, которые позже были переосмыслены в дебатах о [теореме Ланднаме](#). Согласно этой модели, капиталистический рост преодолевает пространственно-временные рамки национального государства и влечет за собой насильственный захват некапиталистических территорий, погружаясь в колониальную политику и развязывая войны. Вопрос заключается в том, как эта закономерность проявляется в военных конфликтах последнего времени. Конфликты и войны должны рассматриваться в контексте системы финансового накопления.

Процентный капитал, основанный на праве собственности на деньги и обязательствах по их возврату с процентами, принимает форму фиктивного капитала на вторичных рынках, создавая ожидания потоков дохода, которые умножаются с потенциалом капитализации. Этот режим приводит к чрезмерному накоплению прав на будущую прибавочную стоимость в форме инвестиционных контрактов, реализация которых зависит от экспроприации территорий и населения, присоединяемых к циклу валоризации. Такие присоединения направляют избыточный капитал в инфраструктуру, жилищное строительство и добычу ресурсов, одновременно генерируя потоки дохода через ценные бумаги, обеспеченные земельными и недвижимыми активами.

В этом смысле разрушение Палестины является крайним случаем [войны, связанной с циклом накопления](#).

> Израиль как стратегический узел глобального капитала

Как отмечают [Уильям И. Робинсон](#) и [Хоай-Ан Нгуен](#), вторжение в Ирак в 2003 году совпало с ускоренной интеграцией Ближнего Востока в глобальную экономику после создания Большой Арабской Зоны Свободной Торговли (GAFTA) и заключения дополнительных двусторонних и многосторонних соглашений. Это вызвало волну корпоративных и финансовых инвестиций в стратегические секторы, поддерживаемых капиталом стран Персидского Залива — триллионами долларов из суверенных фондов — и финансовыми потоками из Европы, Америки и Китая. Израиль стал стратегическим узлом для глобального капитала.

В этом контексте осаду Газы можно понимать как средство, с помощью которого транснациональное сверхнакопление, уже проявившееся через израильский корпоративный комплекс, ищет новые рубежи валоризации. Этот процесс представляет собой форму первоначального накопления: экспроприацию земли, товаров и людей с целью их преобразования в рыночные социальные отношения.

> Страх перед терроризмом и чрезвычайное положение открывают путь для государственного отмщения

Эта экспроприация основана на приостановлении соблюдения прав и гарантий, что позволяет развернуть военный аппарат без институционального контроля. Такая приостановка правоприменения опирается на правовой механизм чрезвычайного положения. Концепция государственного возмездия, изложенная Могами, отражает эту переменную: реакция государства на политически мотивированное насилие против людей или имущества больше не регулируется законом, а продиктована логикой возмездия.

После атак ХАМАС Биньямин Нетаньяху пообещал [«жестко отомстить»](#) и процитировал библейский стих [«Помни, что сделал с тобой Амалек»](#), который часто интерпретируется как

>>

призыв к возмездию. Эта ситуация черпает легитимность из мобилизации страхов посредством дискурсивной апелляции к «террору». Таким образом, угрозы безопасности населения усугубляются доминирующей идеологией, которая нормализует социальную панику и санкционирует несоразмерные практики государственного возмездия. Заявление министра обороны Йоава Галанта о «[полной блокаде](#)» Газы — «без электричества, без еды, без воды, без топлива» — стало символом коллективного наказания и голода как метода ведения войны.

> Воспроизведение логики европейского колониализма

Идеология государственного возмездия основана на стигматизации «террористов». Она функционирует как механизм отчуждения, который приписывает определенным группам черты насилия, варварства и иррациональности, тем самым делая их законными объектами репрессий. Этот механизм также поддерживает образ морального превосходства в обществах, которые считают себя «цивилизованными». С этой точки зрения, война с терроризмом воспроизводит логику европейского колониализма, где иерархия народов и рас оправдывала цивилизационные миссии и репрессивное управление колонизированными народами. В этом свете описание Йоавом Галантом палестинцев как «[человеческих животных](#)» переключается с языком дегуманизации, типичным для колониальных проектов.

Колониальный характер государственного возмездия превращает современные войны в инструменты удовлетворения требований финансового сверхнакопления. Стигматизирующие дискурсы «отчуждения» санкционируют насилие, которое способствует лишению территорий и депривации народов, достигая своей крайней формы в израильско-палестинском конфликте, где крайне правый популизм Нетаньяху радикализирует то, что [Эран Каплан](#) определяет как ревизионистское наследие колониального милитаризма Жаботинского. Он приводит аргументы религиозного и естественного права, чтобы конструировать еврейское превосходство над арабами, продвигая расистский колониализм, который исключает перспективу равного сосуществования. Такая формулировка позволяет войне в Газе осуществить государственное возмездие под предлогом этнической чистки, прокладывая путь для геноцидальных действий против палестинцев. Это насилие служит решением проблемы сверхнакопления и опирается на такие доктрины, как [terra nullius](#), чтобы оправдать уничтожение и реконструкцию, позволяя новые инвестиции и повышение стоимости активов. Эта доктрина утверждает, что земля, считающаяся «пустой» или «неиспользуемой», открыта для колонизации.

> Территориальная колонизация, переплетенная с милитаризованным накоплением

По данным [Forbes](#), во время эскалации конфликта на Ближнем Востоке рекордных высот достигли акции оборонных компаний, чему способствовали контракты крупных поставщиков оружия, которые, в свою очередь, дали новый импульс военной промышленности. Это милитаризованное накопление переплетено с другими формами валоризации капитала. Как показывают [Робинсон и Нгуен](#), в конце октября 2024 года, на фоне бомбардировок и энергетического кризиса, усугубленного войной в Украине, Израиль выдал транснациональным энергетическим компаниям лицензии на разведку газа и нефти в Средиземном море, стремясь превратить страну в газовый хаб.

С тех пор стало очевидным переплетение территориальной колонизации, крайне правого этнонационализма и каналов

финансового сверхнакопления. Среди планов восстановления Газы — проект «Газы 2035», одобренный израильским правительством, и «Экономический план восстановления Газы» или программа BOT (от англ. “*build-operate-transfer*”: строить-управлять-переносить), разработанная Джозефом Пельцманом и представленная команде Дональда Трампа. Оба плана выступают за международное управление и меры безопасности, способствующие приватизации государственных активов иностранными инвесторами.

Как отмечают [Нур Арафех и Мэнди Тернер](#), план США объявляет эту территорию «не подлежащей закону о собственности» и на этом основании сдает ее в аренду на пятьдесят лет, при этом инвесторы приобретают «доли в капитале Газы» и получают полный контроль над экономикой, инфраструктурой и администрацией. В отличие от этого, план «Газы 2035» связывает восстановление с эксплуатацией энергетических запасов Газы (около 122 триллионов кубических футов газа и 1,7 миллиарда баррелей нефти). Оба плана предполагают перемещение палестинцев: план BOT призывает «полностью опустошить» Газу, а израильский проект предусматривает «восстановление ее с нуля». Оба плана также предусматривают постоянное военное присутствие для обеспечения внешнего политического контроля и проведения экономической реструктуризации в соответствии с интересами инвесторов.

> Палестинцы в Газе в ловушке между насилием и финансовой зависимостью

После того как 9 октября 2025 года была согласована первая фаза перемирия, дебаты о восстановлении Газы, ожидаемо, усиливаются. Предложенный Трампом [мирный план в 20 пунктах](#) предусматривает создание администрации с участием палестинцев, которая будет представлена как технократическая, но политически подчиненная «Совету мира» под председательством президента США и включающая исторических деятелей неоллиберального порядка, таких как, например, Тони Блэр. План обещает, что выжившие палестинцы будут «свободны уезжать и возвращаться» в ходе разворачивания экономических инициатив по «активизации Газы». Программа «активизации» представляет собой синтез ранее разработанных рамок для привлечения инвестиций, разработанных по образцу «процветающих современных чудесных городов Ближнего Востока» (пункты 9 и 10). Празднуя прекращение огня, [Трам](#) заявил: «Газы будет постепенно восстановлена [...] в этой части мира есть огромные богатства».

Война в Газе иллюстрирует, как взаимосвязь накопленных разрушений и восстановления приводит к сложному взаимодействию между лишением собственности, финансиализацией и выжившим населением. По словам [Орвы Свитата](#), сопротивление геноцидальному насилию подтверждает коллективные или общинные связи с землей, стимулируя борьбу против экспроприации, в то время как «экономическая валоризация» как колониальная техника поощряет гражданскую интеграцию, но в рамках стратифицированного израильского гражданства, которое становится еще более дискриминационным в послевоенном контексте. Рост числа разрушенных объектов и количества смертей сопровождается обещаниями финансового процветания на перестроенных территориях. Таким образом, переплетение разрушений и восстановления ставит палестинцев в ловушку между насилием и финансовой зависимостью от восстановления. ■

Адрес для связи: guiilhermeleite@iesp.uerj.br

